

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

Недаром помнит вся Россия ...

Материалы

Двенадцатых Лермонтовских чтений

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

Недаром помнит вся Россия...

Материалы Двенадцатых Лермонтовских чтений

ЯРОСЛАВЛЬ

Титул

2013

83.3Р1
Н 42

Недаром помнит вся Россия: материалы Двенадцатых Лермонтовских чтений. 11-12 октября 2012 г./ МУК ЦБС города Ярославля, ЦБ им. М.Ю. Лермонтова. Ярославль: Титул, 2013 - 176 с.

Редактор-составитель - Ахметдинова С. Ю.

Вёрстка Ярославцевой И. В.

Дизайн обложки, цветной вкладки Асекритова У. Н.

Статьи публикуются в авторской редакции

***Сборник издан в рамках городской целевой программы
«Развитие культуры в городе Ярославле» на 2012-2014 годы***

© Центральная библиотека имени М.Ю. Лермонтова
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»

© Текст – авторы статей

Содержание

Лермонтовские чтения и Лермонтовские Дни в Ярославле.

Ахметдинова С. Ю.	4
Купцова Н. Е. «В горах Шотландии моей...»: геносоциограмма шотландских предков как возможный ключ к событиям жизни и психологическому портрету М. Ю. Лермонтова.....	12
Левагина С. Н. «Двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой...» Михаил Лермонтов и Евдокия Ростопчина. К 200-летию поэтессы.....	18
Марасанова В. М. Ярославцы в Отечественной войне 1812 года и отражение темы в русской литературе.....	32
Русинова Н. А. Герои 1812 года в поэме В. Жуковского «Певец во стане русских воинов».....	44
Калинина Е. А. «Здесь терпение и вера святых...» Лермонтов и Достоевский	79
Коваленко А. Н. В дни испытаний. Письма О. П. Попова 1942 года к директору музея «Домик Лермонтова» Е. И. Яковкиной.....	95
Минаков В. Д. Драма М. Ю. Лермонтова «Маскарад» в постановке Александрийского театра 1917 года.....	107
Скафтымова Л. А. Лермонтовский цикл Георгия Свиридова....	119
Мурашов Д. Ю. Лермонтов в Лермонтовке (сочинения поэта в пензенской общественной библиотеке его имени на рубеже XIX-XX вв.).....	136
Репин Д. А., Ундиренко Ю. В. «Ах, маскарад, маскарад...» История Бала-маскарада Лермонтовской поры в Центральной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова города Ярославля.....	146
Клуб «Парус» в музее школы № 41 города Липецка им. М. Ю. Лермонтова	154
Сведения об авторах	168

Лермонтовские чтения и Лермонтовские Дни в Ярославле

Центральная библиотека имени Лермонтова ЦБС города Ярославля с 1956 года носит имя поэта. Первые чтения, как продолжение краеведческой работы, состоялись в 2000 году в ознаменование полувекового юбилея Главной библиотеки Ярославля – Центральной имени Лермонтова. Не смотря на то, что поэт никогда не был в Ярославле, а имелись только разрозненные факты, так или иначе, связанные с Ярославской землей, инициативная группа по организации юбилея библиотеки поддержала идею тогда нового директора Светланы Юрьевны Ахметдиновой о проведении Лермонтовских чтений.

Первые чтения «Лермонтов и ярославская земля» с самого своего возникновения и Лермонтовские чтения, которые проходят ежегодно, уже Двенадцатые в нынешнем году, отличаются изысканиями, новыми находками. Материалы краеведческой тематики за 10 лет по итогам всех чтений объединены в электронный сборник «Лермонтовский свет на Ярославской земле». Это еще один весомый вклад Центральной библиотеки Ярославля в краеведческую копилку к 1000-летию родного города.

За эти годы расширилась география участников проекта. В России - от Чёрного моря (Краснодарский край) и Каспия (Дагестан) до Балтики (Санкт-Петербург) и Южно-Сахалинска, и далеко за её пределами - от Востока (Япония, Индия) до наших славянских народов (Болгария) и Шотландии, родины славного рода Лермонт. Самыми первыми нас поддержали ярославские краеведы Ярославля, Рыбниц, Семибратова, Пошехонья, Углича. Очень активно осуществляется взаимодействие с коллегами, учёными-лермонтоведами разных городов России: Пятигорска,

Пензы, Воронежа, Овстуга, Армавира, Волгограда, Саранска, Сыктывкара, Костромы, Санкт-Петербурга, Москвы. Трижды приезжал гость из Японии Асута Ямадзи, специалист университета Тюкё города Нагоя. Заочный участник - профессор Калькуттского университета Индии Шаркар Арчан. Зарубежные гости на родине преподают русскую литературу и русский язык, их взгляд на творчество Лермонтова интересен россиянам. Очень активно поддерживаются чтения ярославскими учеными, аспирантами. С докладами выступали ярославские профессора ведущих ярославских государственных вузов: Виктория Михайловна Марасанова (университет имени П. Г. Демидова), Маргарита Георгиевна Ваяшова (театральный институт), Герман Юрьевич Филипповский, Надежда Александровна Папоркова, Михаил Юрьевич Егоров и другие (педагогический университет имени К. Д. Ушинского).

В год празднования 65-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне участники чтений не обошли стороной тему подвига в этой кровопролитной войне. Сотрудник музея-заповедника «Сталинградская битва» Светлана Анатольевна Аргасцева рассказала о Сталинградском дневнике полковника Петра Николаевича Лермонтова, правнучатого племянника поэта, а главный библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова Наталья Ивановна Фондо - о нашем замечательном земляке, поэте-фронтовике Иване Алексеевиче Смирнове, защитнике легендарной Тамани, в творчестве которого в период войны ярко обозначена лермонтовская тема.

Гостям была представлена презентация проекта «Лермонтовские Дни в Ярославле», как расширение формата

Лермонтовских чтений. Новый проект библиотеки вовлекает всё новых почитателей таланта поэта, молодежь. Стартовавшие в 2009 году Лермонтовские Дни пришлось по душе ярославцам. В программу Лермонтовских Дней в Ярославле традиционно входит литературный вечер ярославских поэтов, презентация работ участников городского конкурса "Герой нашего времени" и чествование его героев, Бал-маскарад «В гости к Лермонтову» с фейерверком при участии клуба исторической реконструкции «Зазеркалье» и литературные экскурсии по Ярославлю, поездки в Рыбницы и Семибратово. В посёлке Семибратове гости посещают могилу лермонтоведа Олега Пантелеймоновича Попова, в память которого сотрудники нашей библиотеки издали на собственные средства сборник его стихов. В юнкерской школе наши друзья - ярославский писатель-краевед Борис Михайлович Сударушкин и директор школы Ирина Александровна Конторина с юными воспитанниками - представляют театрализованную программу, посвященную Лермонтову. В Рыбницы наши гости едут в Дом-музей Александра Михайловича Опекушина, автора памятника Лермонтову в Пятигорске, к правнучке архитектора Ирине Николаевне Морозовой, посещают его могилу на погосте храма Всемилоственного Спаса.

Одиннадцатые чтения совпали с 55-летием со времени присвоения Лермонтовке имени великого русского поэта. Своих гостей встречал бюст Лермонтова работы ярославского скульптора и друга библиотеки Елены Борисовны Юговой, подаренный ею библиотеке в Старый Новый год. На чтениях выступали с докладами ученые, краеведы Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга, республики Дагестан. Профессор кафедры истории

русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного университета Татьяна Карповна Черная подготовила шесть молодых ученых, которые успешно представили свои доклады на чтениях. В связи со 175-летием выхода в свет драмы «Маскарад» на родине первого русского театра освещалась проблематика по теме «Лермонтов и драматургия».

По материалам всех Лермонтовских чтений издаются сборники докладов при поддержке целевой программы развития культуры в городе Ярославле.

Наша библиотека стала одной из активных участниц по созданию Ассоциации библиотек и музеев, носящих имя поэта, участвует в Лермонтовских чтениях, организуемых ЦБС имени Лермонтова Санкт-Петербурга. Традиционно Ярославль первым начинает свои чтения, передавая эстафету городу на Неве.

«Недаром помнит вся Россия...»

Эпиграфом Двенадцатых Лермонтовских чтений стала лермонтовская строка «Недаром помнит вся Россия...» Организаторы чтений предложили её участникам обратиться к героической теме в творчестве Лермонтова и ярославским страницам истории.

Первый день чтений посвящался Году российской истории и 175-летию с даты создания М. Ю. Лермонтовым «Бородино», лучшего во всей русской литературе поэтического произведения об Отечественной войне 1812 года. Доктор исторических наук, профессор ЯрГУ имени Демидова Виктория Михайловна Марасанова представила доклад «Ярославцы в Отечественной войне 1812 года и отражение темы в русской литературе».

Библиотекарь-краевед норской школы Наталья Александровна Русинова обратилась к легендарной личности, нашему земляку - генералу Александру Петровичу Тормасову, одному из тех, кто принес Российской Империи победу над Наполеоном. Герои 1812 года, в том числе и Тормасов, воссозданы в поэме «Певец во стане русских воинов» Жуковского. Продолжая литературный лейтмотив, Елена Анатольевна Калинина, сотрудник ярославской библиотеки имени Ф. М. Достоевского, поделилась своими размышлениями о войне 1812 года и о том, как много объединяет Лермонтова и Достоевского в отношении к этим событиям. Доктор филологических наук, профессор Ярославского государственного театрального института Маргарита Георгиевна Ваяшова исследовала стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» как «зерно» романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Данные изыскания войдут в её новую книгу о Лермонтове.

Свою точку зрения о мейрхольдовской постановке драмы Лермонтова «Маскарад» Александринского театра 1917 года выразил преподаватель детской хоровой школы «Канцона» Виктор Дмитриевич Минаков. Наш давний участник - профессор Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова Людмила Александровна Скафтымова, дочь ярославского лермонтоведа М. М. Уманской, профессора Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского, - проанализировала Лермонтовский цикл Георгия Свиридова, подарив слушателям музыкальные отрывки.

Психологический портрет М. Ю. Лермонтова через геносоциограмму шотландских предков изобразила Наталья Евгеньевна Купцова, член московского филиала Лермонтовского

общества, побывавшая на родине Лермонтов.

О том, как представлен лермонтовский фонд, как читали сочинения поэта в пензенской общественной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова на рубеже XIX-XX веков, рассказал Дмитрий Юрьевич Мурашов, ученый секретарь Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, ставшей преемницей общественной.

Новый город-участник чтений – Липецк: интересный опыт работы клуба «Парус» представили педагоги школы №41 имени М. Ю. Лермонтова заместитель директора Татьяна Георгиевна Жукова и преподаватели Ларькова Любовь Владимировна, Чиликина Елена Михайловна.

Давний друг Лермонтовских чтений Александра Николаевна Коваленко, учёный-лермонтовед из Пятигорска, открыла новую страницу об одном из создателей Лермонтовской энциклопедии Олеге Пантелеймоновиче Попове, тесно связавшего Ярославль и Пятигорск. Тетрадный лист и два открытых письма 1942 года О. П. Попова, исписанные карандашом, в адрес директора Дома-музея Лермонтова Елизавете Ивановне Яковкиной, дают представление о том, что творилось на Северном Кавказе перед наступлением фашистской армии. О. П. Попов, сотрудник музея «Домик Лермонтова» с 25 ноября 1937 года по 9 августа 1942 года, в годы Великой Отечественной войны спас Домик Лермонтова от уничтожения. В дальнейшем он был осуждён к ссылке на каторжные работы сроком на двадцать лет. После Гулага Олег Пантелеймонович нашёл последний приют в посёлке Семибратове под Ростовым Великим, был

реабилитирован после смерти, в апреле 2000 года. В память о поэте и лермонтоведе в 2001 году сотрудники нашей библиотеки, открывшие это имя на Первых Лермонтовских чтениях, на собственные средства издали сборник стихов Попова «Я жить хочу – как ветер над волной», ежегодно приезжают на его могилу. Удивительного человека, устроителя поэтических вечеров в Семибратове, односельчане помнят до сих пор и делятся воспоминаниями с гостями. А память об Олеге Пантелеймоновиче Попове на Семибратовской земле живёт стараниями её главных хранителей - писателя Бориса Михайловича Сударушкина и заведующей краеведческим музеем Ирины Александровны Конториной. Потому каждое открытие, связанное с Поповым, дорого ярославцам и пятигорчанам.

С Пятигорском незримой нитью связывает Ярославль и скульптор-академик Александр Михайлович Опекушин, уроженец села Рыбницы Некрасовского района Ярославской области, создатель первого памятника Лермонтову, установленного в этом городе на Кавказе. Участники чтений также приезжают в Рыбницы поклониться праху известного скульптора, похороненного на погосте Церкви Всемилоственного Спаса, посещают Дом-музей А. М. Опекушина, чтобы пообщаться с правнучкой знаменитого земляка Ириной Николаевной Морозовой.

Бал-маскарад Лермонтовской поры в Центральной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова – неотъемлемая часть Лермонтовских Дней 2012 года, ведёт отсчет проведения с 2009 года. Его историю на чтениях вспомнили активные устроители Лермонтовских балов, сотрудники Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова – Дмитрий Андреевич Репин и Юлия

Владимировна Ундиренко.

Несомненно, запомнится надолго самым юным участникам Лермонтовских Дней 2012 года встреча с замечательным ярославским художником и талантливым педагогом Владимиром Михайловичем Реутовым, открывшим немало загадок на уроке-диалоге «Лермонтов глазами мастера».

В субботний вечер, 13 октября, состоялся литературно-музыкальный вечер «Белеет парус...», посвященный Лермонтову, гостями которого стали поэт Андрей Волков, Евгений Крапивинский (гитара), Людмила Меркулова и Юрий Волков (исполнители песен).

14 октября Лермонтовский кинозал распахнул двери вместе с библиотекарем Светланой Дмитриевной Нечай для просмотра и обсуждения фильма «Ночевала тучка золотая» (1989) по одноимённой повести, названной строкой Лермонтова, Анатолия Приставкина. О трагической судьбе двух братьев-сирот, в 1944-м вывезенных вместе с другими детдомовцами из подмосковного города на Кавказ, откуда было депортировано чеченское население, повествует драма. Равнодушных зрителей – наших читателей не нашлось.

Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова города Ярославля, расширяя формат мероприятий Лермонтовских Дней, ждёт партнёров и друзей для сотрудничества, приглашает своих читателей к исследованию Мира русской классики, культуры и родной истории!

*Директор Центральной библиотеки
имени М. Ю. Лермонтова и ЦБС города Ярославля,
депутат Ярославской Областной думы 5-го созыва
Светлана Юрьевна Ахметдинова*

«В горах Шотландии моей...»
Геносоциограмма шотландских предков
как возможный ключ к событиям жизни
и психологическому портрету М. Ю. Лермонтова

*Ничто не возникает беспричинно, но все возникает
на какой-нибудь основе или в силу необходимости
Демокрит*

“Мы все - звенья в цепи поколений и порой нам приходится оплачивать долги прошлого наших предков. Метод геносоциограммы позволяет распутать сложный клубок семейных историй и выявить связь между поколениями. Их можно увидеть и прочувствовать, но чаще всего они проживаются как неуловимые и несознаваемые. Здесь важно все – начиная с выбора имени. Фрейд говорил что «Я придерживаюсь того, что имена чаще всего определяются воспоминаниям о дорогих нам людях. «Имена делают из детей призраков» писал он в своей книге «Толкование сновидений». Юнг в свою очередь разработал идею синхронии или совпадении дат” (1).

Геносоциограмма позволяет получить наглядное социометрическое представление о генеалогическом семейном древе, с его характеристиками фамилий, имен, дат, связей и главных событий жизни – рождений,

бракосочетаний, кончин, значимых болезней, несчастных случаев, выборов профессии, переездов и т.д.

Иными словами геносоциограмма является комментированным представлением генеалогического древа (генограммы).

Генограмма берет свое начало у автора психодрамы Морено в его размышлениях о комплексных связях и социальном атоме. Для использования в семейной терапии метод предложен М. Боуэн (Bowen, 1978) в рамках "трансгенерационного подхода. Сутью данного подхода стала задача выявить некие стереотипы, правила, предписания и мифы, которые есть в этой семье и которые влияют на конкретного человека. Как время смерти и несчастных случаев, зависимости и предательства, болезни и успехи передаются от предков к потомкам.

И хотя сегодня чаще всего этот метод используется для терапии, для того, чтобы прервать цепь бессознательных повторений, я решила попробовать использовать этот метод для анализа жизни предков Михаила Юрьевича и кто знает, может быть это позволит нам лучше понять события его жизни и черты его личности. Это идея родилась у меня после посещения Шотландии, мест связанных с дальними предками Михаила Юрьевича.

Мне посчастливилось посетить деревушку Эрлстон, откуда родом Томас Рифмач или Честный Томас,

легендарный бард 13 века, фигура очень значимая для Шотландцев. Он занимает видное место в народном фольклоре почти так же как Мерлин в Англии, в то же время в отличие от Мерлина, его существование имеет документальное подтверждение. На основании этих документов Томас жил в 13 веке и владел землями в местечке Эрсильдун или Эрлстон (2).

Летописцы истории Шотландии причисляют Томаса из Эрсильдуна к роду Лемонтов. На данный момент ни один другой род кроме Лермонтовых не претендует на родство с Томасом Рифмачом.

Томас Рифмач обрел большую славу еще при жизни благодаря его непревзойденной красоте поэзии, а также удивительным событиям, происходившим в его жизни. Шотландский фольклор донес до нас легенду, как Томас своей песней пленил сердце королевы эльфов, и та отвезла его в волшебную страну, сделав своим возлюбленным. Томас стал единственным смертным, кому довелось вернуться из страны фей. От королевы он получил дар предвидения, легенда приписывает ему предсказание многих событий в истории Шотландии. «Честным Томасом» баллада называет его за то, что он не говорил ни слова лжи. С момента своего возвращения Томас стал делать предсказания и слагал их в стихи – и они гуляли по свету и самое удивительное – все они сбывались и слава о честном Томасе-рифмаче облетела всю

Шотландию. Разбогатеv, он построил замок рядом с родной деревушкой и принимал там и соседей, и знаменитых воинов, и графов, и лордов. До нас дошли лишь развалины одной из башен этого замка, на стене которой стихи, приписываемые Томасу: «Прощай отчий дом – замок Эрсилдон! Надолго прощаюсь с замком древним - отныне ты не будешь никогда торжеств, пиров и мощи местом славным. Лежать тебе в развалинах, зайчиха с зайчатами будет гнздиться в твоём очаге...»

Есть ли генеалогическая связь между легендарным шотландским бардом и великим русским поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, мы с уверенностью утверждать не можем, но тем не менее, есть безусловные параллели, которые можно провести: оба были великими поэтами, для обоих правда была святыней и оба владели сильным пророческим даром.

Доказано, что Михаил Юрьевич Лермонтов принадлежит к ветви Лермонтов из Балкоми (2). Замок Балкоми стал следующей точкой моего путешествия. Замок этот, находящийся неподалеку от городка Крейл, был построен в 16 веке.

Что самое удивительное, именно в этом замке породнились две семьи – Гордонов и Лермонтов. Именно в этом замке жила прелестная Маргарет Лермонт, очаровавшая королевского адвоката Гордона. Потомком этой пары,

породнившей два известных рода, и стал знаменитый и столь любимый Михаилом Юрьевичем английский поэт Джордж Гордон Байрон. Михаил Юрьевич не мог знать, что они родственники, он это чувствовал это родство благодаря своему провидческому дару.

Замок Балкоми купила семья Стоквелл, глава семьи собирал историю замка и этих земель, хотел восстановить и даже начал строительные работы внутри, но в прошлом году внезапно скончался. Сейчас все работы внутри остановлены и ждут лучших времен. Они восстановили гостевой дом, живут там сами и принимают гостей. Несколько лет назад туда приезжали несколько потомков семьи Лермонтовых, сохранились фотографии, записи в гостевой книге.

И опять не могу не сказать, насколько удивителен провидческий дар Михаила Юрьевича – в своем стихотворении «Желание» он пишет: «на запад, на запад помчался бы я, где цветут моих предков поля, где в замке пустом на туманных горах их забвенный покоится прах». В то время, когда писалось это стихотворение, замок Балкоми – действительно был совершенно пуст и заброшен. Не сохранилось даже деревянных перекрытий между этажами – только каменные стены...

Это мое путешествие и навело меня на мысль сделать геносоциограмму рода Лермонтов, начиная от шотландских предков и вплоть до родителей Михаила Юрьевича.

Нетерпение мое было так велико, что уже на обратном пути я сделала первый самый поверхностный анализ трех поколений Лермонтов из Балкоми, начиная с Джорджа Лермонта Балкоми до Георга Лермонта, который считается основателем русского рода Лермонтов.

В качестве предварительных наблюдений я обратила внимания на следующие тенденции:

- характер смерти по мужской линии (насильственная, в тюрьме, внезапная);

- наследование имен по мужской линии (Джеймс, Джордж (Георг), Джон);

- повторяемость имен и королевская кровь избранных для вступления в брак (Маргарет);

- профессии по мужской линии (наемные воины, адвокаты, священники). (Вполне возможно это может послужить объяснением изначального выбора Михаилом Юрьевичем именно нравственно-политического отделения московского университета);

- личные качества (смелость, честность).

Безусловно, это самые предварительные наблюдения, предстоит большая работа по более кропотливому анализу генограммы, и, кто знает, может быть, связь поколений поможет нам разгадать хотя бы некоторые из многочисленных загадок, оставленных нам Михаилом Юрьевичем.

(Геносоциограмму см. на с. 170)

Библиография.

1. Анн Анселин Шутценбергер. Синдром предков. Трансгенерационные связи семейные тайны синдром годовщины передача травм и практическое использование геносоциогаммы, изд-во Психотерапия, 2009.
2. Молчанова Т. Лермонт Р. Лермонты-Лермонтовы. Москва, Логос, 2008.

С. Н. Левагина

**«Двух дней было довольно,
чтобы связать нас дружбой...»**

Михаил Лермонтов и Евдокия Ростопчина.

К 200-летию поэтессы

Мы не будем касаться в докладе «позднего» периода творчества и жизненной истории замечательной поэтессы «золотого века» русской литературы Евдокии Петровны Ростопчиной (1811/12 – 1858), потому что все устремления и идеалы нашей героини остались там, в пушкинской поре. Они не перешагнули в разночинную обстановку конца 40-х - 50-х годов XIX столетия – Евдокия Петровна яростно не приняла новые веяния, призванные, говоря её словами, *не воспламенять душу к служению высокому и прекрасному, а единственно выводить под самыми яркими красками всё обыденное*¹, назвав это направление *противоэстетическим*². Мы знаем, что

Лермонтов уже успел шагнуть за пределы романтизма, выраженного именно им с максимальной полнотой, и, возможно, останься он жив, это привело бы к конфликту между ним и Ростопчиной. Достаточно вспомнить её письмо к Александру Дюма (от 27 августа (10 сентября) 1858 года), где она, по просьбе адресата, вспоминает своего рано ушедшего друга, «который один мог облегчить утрату, понесённую нами со смертью Пушкина»³. И при такой-то высочайшей оценке Лермонтова стихотворение «Смерть поэта» воспринимается ею как *посредственное*: «...Умер Пушкин; Лермонтов вознегодовал, как и всё молодое в России, против той недоброй (*mauvaise*) партии нашего общества, которая восстанавливала друг против друга двух противников. Лермонтов написал посредственное, но жгучее стихотворение, в котором он обращался прямо к императору, требуя мщения»⁴. А ведь это письмо Евдокия Петровна писала, преодолевая тяжкие страдания: через три месяца она умерла от рака (3(15) декабря 1858 года). Тратить последние силы в данном случае можно только в память дорогого человека. Сам же Лермонтов, похоже, предчувствовал, что литературные пути его с подругой юности разойдутся. В стихотворении 1841 года, посвящённом графине Ростопчиной («Я верю: под одной звездой / Мы с вами были рождены...») он пишет:

*Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утёса каменная грудь...⁵*

Ранняя гибель поэта оставила дружбу Евдокии Петровны и Лермонтова незамутнённой.

Обратимся к её истокам. На третьих Лермонтовских чтениях у меня был доклад о литературной полемике Лермонтова с беллетристом Николаем Филипповичем Павловым⁶, в частности, и по поводу светских женщин. Если в повестях Павлова их образы концентрируют в себе всё презрение, даже ненависть к высшему свету человека, желающего быть там первым, но не замечаемого этим высшим светом, то Лермонтов, при всём своём показном цинизме, живёт внутри той культуры, которая способна рыцарски преклониться перед женщиной и оценить хорошее в ней даже в светских цепях. Есть некие ценности, которые различают, казалось бы, таких схожих между собой кузин, как Екатерина Сушкова (в замужестве Хвостова) и Евдокия Сушкова (в замужестве графиня Ростопчина).

Первой из них, Екатерине, посвящены «байронические» стихи влюблённого в неё 15-16-летнего

Мишеля, жестоко осмеянного за это чувство 18-летней барышней, уже выезжающей в свет и имеющей взрослых поклонников. Позже, в 1834-35 годах, он отомстит ей, сначала расчётливо влюбив её в себя, подобно Дон-Жуану, - до того, что она отказала выгодному жениху, а затем скомпрометировав в глазах света, которому дал повод говорить об их несуществующей связи. «...Пустого сердца не жалея; / Пускай она поплачет... / Ей ничего не значит!»⁷, - как сказано им в стихотворении «Завещание». Увы, эта громкая история дошла до Вареньки Лопухиной и способствовала принятию трагического для неё решения – отдать свою руку нелюбимому человеку.

Но – удивительное дело! – те же, казалось бы, черты, что и у Екатерины Сушковой, вызывают по отношению к Евдокии Сушковой не сарказм, а уважительное приятие юного Лермонтова, посвятившего ей на маскараде в Московском благородном собрании при встрече нового 1832 года не эпиграмму, как почти всем, а мадригал. Обращение по прозвищу – Додо – вовсе не уничижительно, оно просто подчёркивает близкое знакомство.

ДОДО

*Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить.
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица*

*И умника унижить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в **Талисмане** стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!*⁸

1831

Тут всё дело в строчке о *Талисмане*, благодаря которому героиня ассоциируется в восприятии поэта с парусом *над пучиною мятежной* – любимейшим образом юноши Лермонтова. Вспомним, как «А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!»⁹ Что же это за *Талисман* такой?

А это название первого опубликованного стихотворения будущей поэтессы Евдокии Ростопчиной. Без её ведома Пётр Андреевич Вяземский обнародовал его в альманахе «Северные цветы на 1831 год» Дельвига за подписью *Д.....а* (то есть *Додо Сушкова*). Загадочная подпись не была секретом для Лермонтова: через Екатерину Сушкову Мишель был знаком с её кузиной примерно с 1829 года.

Ростопчина пишет об этих первых встречах Александру Дюма: «В то время я его два раза видела на

детских балах, на которых я прыгала и скакала, как настоящая девочка, которую я и была, между тем как он, одних со мною лет¹⁰, даже несколько моложе, занимался тем, что старался вскружить голову одной моей кузине, очень кокетливой...; я до сей поры помню странное впечатление, произведённое на меня этим бедным ребёнком, загримированным в старика и опередившим года страстей трудолюбивым подражанием. Кузина поверяла мне свои тайны; она показывала мне стихи, которые Лермонтов писал ей в альбом; я находила их дурными, особенно потому, что они не были правдивы... Наконец, я даже не имела желания познакомиться с Лермонтовым, - так он мне казался мало симпатичным». ¹¹ Но позже всё изменилось, и они часто виделись «в Москве и в Середникове, летом, где... вместе читали стихи Байрона, а также его дневники и письма, изданные в Лондоне Томасом Муром». ¹²

Кстати, в семейном кругу Евдокии Сушковой её известность как поэта, пусть не публикуемого, но распространённого в списках ¹³, была воспринята как позор. По запискам дочери Ростопчиной Лидии, бабушка поэтессы Евдокия Николаевна Пашкова ¹⁴ настолько была возмущена тем, что девушка аристократического круга могла посвящать свой досуг недостойному занятию, что, взяв икону, «хотела заставить свою внучку дать

торжественный обет, что та больше никогда не станет писать стихов. Моя мать избавилась от клятвы, обещав ничего не печатать до своего замужества... Все в доме Пашковых играли с утра до вечера в карты, по московскому обыкновению; это занятие считалось благородным. Но писать стихи, подбирать рифмы, как какой-нибудь бедняк, фи!»¹⁵ Иным, естественно, было отношение к пишущей стихи девушке Лермонтова. По предположению П.А. Висковатова, Лермонтов посвятил Евдокии датированное 1830-м годом стихотворение «Крест на скале»¹⁶, явно рассчитанное на восприятие родственной души. Автограф его неизвестен, а в копии Хохрякова под стихотворением написано посвящение: «*M-lle Souchkoff*».¹⁷

Задумавшись о том, откуда взялось это понимание на уровне сердца и ума, мы обнаруживаем неожиданную параллель, его подготовившую. Дочь Ростопчиной пишет о воспитании своей матери: «Из учителей её стоит упомянуть о Гаврилове и о Раиче, развивших в ней врождённую любовь к поэзии вообще и к отечественной в особенности. Не будь их, русская словесность считала бы, может быть, в среде своей одним дарованием меньше...».¹⁸ Кстати, Раич «был приглашён наставником к Ф.И. Тютчеву»¹⁹. Более того, В.Я. Брюсов в биографическом очерке о Тютчеве пишет, что именно «под влиянием Раича Тютчев... начал писать стихи»²⁰. Уроки у Раича брала и

будущая писательница Евгения Тур (Е.В. Сухово-Кобылина, сестра драматурга А.В. Сухово-Кобылина). «Это был любимейший из преподавателей молодой Елизаветы Васильевны. Своей писательской деятельностью она в значительной степени была обязана Раичу»²¹, - отмечает Леонид Гроссман в книге «Преступление Сухово-Кобылина».

Но ведь это тот самый Семён Егорович Раич, поэт, переводчик античной и итальянской поэзии, магистр словесных наук Московского университета, который был учителем Лермонтова в Московском благородном пансионе и в 1827-1831 годах преподавал там «практические упражнения в российской словесности». Семён Егорович собирал воспитанников на заседания Общества молодых любителей литературы, происходившие по субботам в помещении библиотеки Пансиона (а Раич в той библиотеке и жил). Эти собрания, где разбирались переводы и сочинения учеников, «регулярно посещал Лермонтов».²² «Раич дал Лермонтову основательные знания по истории литературы, развил его поэтическую технику».²³

«По воспоминаниям друзей, Раич был человеком в высшей степени благородным, бескорыстным, жил в мире поэзии «как в царстве снов» (Ф. Тютчев), соединял «солидарность учёного с младенческим незлобием» (И.С.

Аксаков), «литературу почитал средством к облагорожению души» (М.И. Дмитриев)».²⁴ Невольно вспоминается страстная отповедь его бывшей ученицы Ростопчиной любителям современных романов, которым противопоставляются любители Расина, Жуковского, Батюшкова.

«Тогдашние женщины, - пишет она в начале 1850-х годов, - не нынешним чета! Они мечтали, они плакали, они переносились юным и страстным воображением на место юных и страстных героинь тех *устаревших* книг; это всё, может быть, *очень смешно и слишком сентиментально* потеперешнему, но зато вспомните, что *то* поколение мечтательниц дало нам *Татьяну*, восхитительную *Татьяну* Пушкина...».²⁵ Явно вспоминая своего незабвенного учителя, поэтесса пишет: *а мы говорим: «Скажи мне, что ты читаешь, назови свою любимую книгу, - и мы тебе скажем, что ты за человек и каковы твой ум, твоё сердце, твои наклонности!»*²⁶

Недаром, «единственным человеком, - по мнению Ходасевича,- понявшим истинную природу её поэзии, был Тютчев (Заметим в скобках - ученик Раича - С.Л.), который в одном стихе сумел дать определение всего её творчества, столь же верное, как и сжатое: *То лирный звук, то женский вздох*, - сказал он».²⁷ Здесь то самое понимание на уровне сердца и ума, как и с Лермонтовым.

Какие строки вырвались у Евдокии Ростопчиной в ноябре 1841 года (стихотворение «Пустой альбом»):

*О жаль Его!! О! трижды жаль Его, -
Как юношу, как друга, как поэта!!!*

.....

*И жаль Его, как соловья весною,
Когда стрелок нещадною рукою
Певца любви рассеянно сразит!..
Как путнику жаль песни недопетой,
Подслушанной украдкой под окном
Красавицы...
Так жаль Его! – так жаль его творений,
Неполных, прерванных, его мечты,
Погасшей с ним, и дум и снов его,
Не вылитых в могущественный стих,
Иль в сладкозвучный гимн, в живое слово
Правдивого на век негодованья!..
Он не успел для юного чела
Собрать, доплесть, скрепить венец лавровый, -
И сей венец... Увы!.. полуготовый
Упал на гроб!! О! жаль, о! жаль певца.²⁸*

Лермонтов и Ростопчина, разведённые судьбой в юности (её замужество, его военная служба), встретились снова, почти через десять лет, в феврале 1841 года, оба – поэтами, которые заставили о себе говорить. Ростопчина блистала в Петербурге не только как поэтесса, но и как прекрасная, умная женщина. Князь Александр Васильевич Мещерский оставил её словесный портрет этого времени, который дочь Ростопчиной Лидия сочла очень удачным:

«В 1841 г. во время моего пребывания в Ревеле и Гельсингфорсе я был представлен г-же Авроре Демидовой у графа Армфельд. Там я встретил также графиню Евдокию Ростопчину, нашу знаменитую поэтессу. Ей было около 25 лет²⁹. Она была очень жива и остроумна. Её разговор напоминал настоящий фейерверк. Я помню, что при нашем первом знакомстве я был ослеплён и очарован её блестящим умом, сверкавшим, как неиссякаемый источник.

Блеск её ума мог только поспорить с блеском её глаз, с задумчивым и глубоким взором, который оживлялся внезапно, когда она желала нравиться. Она была среднего роста, черты её лица были тонки, как у камеи, цвет кожи матовый, глаза чёрные и большие, осенённые длинными ресницами.

К сожалению, по близорукости она часто употребляла лорнет, скрывавший и затемнявший её взор. Одарённая поразительной памятью, она знала иностранную литературу, как свою собственную. Если прибавить ко всем её дарованиям и к обаянию её внешности необычайную впечатлительность и страстную любовь ко всему прекрасному и идеальному, то получается тип героини, о которой могли мечтать только лучшие поэты и романисты. Такова была графиня Ростопчина, когда я с нею познакомился».³⁰

В зимы 1836/37 и 1837/38 годов «на её вечерах бывают Жуковский, Крылов, Пушкин, Гоголь, Вл. Одоевский, Плетнёв, Соллогуб, Александр Тургенев, у неё играют братья Виельгорские, Ференц Лист, поют приезжие итальянские певцы. Частые гости у неё Даргомыжский и Глинка. Ростопчины принимают сначала на тихой Сергиевской улице, а потом на блестящей Дворцовой набережной. Поэтесса желанный гость в литературных салонах Петербурга – у Одоевского, Жуковского, в семье Карамзиных».³¹ Какое-то время имя Ростопчиной ставят рядом с именем Пушкина, с учётом, конечно, подчёркнуто женского характера её поэзии. Её голосом женщина заговорила, наконец, не в мужском пересказе, а открыто, и совершенно по-своему.

*...Но женские стихи особенной услугой
Мне привлекательны; но каждый женский стих
Волнует сердце мне, и в море дум моих
Он отражается тоскою и отрадой.
Но только я люблю, чтоб лучших снов своих
Певца робкая вполне не выдавала,
Чтоб имя призрака её невольных грез,
Чтоб повесть милую любви и сладких слез
Она, стыдливая, таила и скрывала...*
.....
*Чтоб речь неполная улыбкою понятной
Слезой тёплой дополнена была...*
.....
Да! женская душа должна в тени светиться,

*Как в урне мраморной лампы скрытый луч,
Как в сумерки луна сквозь оболочку туч,
И, согревая жизнь, незримая теплится.*³²

И вот в феврале – апреле 1841 года Лермонтов, приехавший в отпуск в Петербург, и Ростопчина встречаются почти ежедневно в салоне Карамзиных или в её доме. «...Двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой... Принадлежа к одному и тому же кругу, мы постоянно встречались и утром, и вечером; что нас окончательно сблизило, это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе вдоволь над ними посмеялись и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени»³³, - пишет Евдокия Петровна.

*Он свет любил – и создавался в этом,
Но лишь для нас, лишь в тесном круге нашем
Самим собой, весёлым, остроумным,
Мечтательным и искренним он был.
Лишь нам одним он речью, чувства полной,
Передавал всю бешеную повесть
Младых годов, ряд пёстрых приключений
Бывалых дней и зреющие думы
Текуция поры...*³⁴

Ростопчина оставила живую зарисовку чтения Лермонтовым в этом кругу неоконченного романа «Штосс»³⁵, обставленного самым романтическим образом. И именно Евдокия Ростопчина одной из последних пожалала

ему руку на прощальном ужине³⁶ перед отъездом поэта на Кавказ. Она нарочно смеялась над его тяжёлыми предчувствиями, о которых он говорил весь вечер, но сердце Евдокии Петровны невольно сжималось. И не сбылись последние строки её стихотворения «На дорогу!», посвящённого Михаилу Юрьевичу Лермонтову 27 марта 1841 года с эпиграфом из «Божественной комедии» Данте *Tu lascerai ogni cosa diletta / Piu caramente* (Ты бросишь всё столь нежно любимое):

*...Но есть заступница родная
С заслугою преклонных лет, -
Она ему конец всех бед
У неба вымолит, рыдая!*

*Но заняты радушно им
Сердец приятных желанья, -
И минет срок его изгнания,
И он вернётся невредим!*³⁷

«Уже после отъезда Лермонтова Ростопчина передала Е.А. Арсеньевой только что вышедший свой сборник «Стихотворения» (1841) с надписью: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому. Петербург, 20-е апреля 1841» (VI , 761); в письме от 28 июня 1841 Лермонтов просил бабушку выслать ему эту книгу»³⁸, но он так и не успел получить её. А с Евдокией Ростопчиной остались его стихи того же трагического для русской поэзии 1841 года:

*Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! – от цели благородной
Оторван бурей страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную верить...³⁹*

В. М. Марасанова

Ярославцы в Отечественной войне 1812 года и отражение темы в русской литературе

Отечественная война 1812 г. стала для Российской империи подлинно народной, и оказала влияние на все слои населения. Война отразилась на исторической судьбе стран и регионов, она повлияла на многие семьи, потерявшие своих близких, и на конкретных людей, проявивших себя героями и защитникам родины. Ярославская губерния в этот год на некоторое время оказалась прифронтовой, и в полной мере ощутила тяготы военного времени.

Историографическая традиция изучения правления Александра I и Отечественной войны 1812 г. сложилась на

общероссийском и региональном уровне уже к началу XX в. [3; 12; 13; 17; 21; 28], а празднование 100-летнего юбилея «Грозы 12-го года» стало поводом к появлению большого числа документальных публикаций, раскрывающих воинские подвиги и вклад различных губерний в победу над врагом [8; 16]. В частности, о ярославских событиях повествуется в воспоминаниях Натальи Федоровны Ростопчиной и письмах великой княгини Екатерины Павловны, супруги принца Георгия Петровича Ольденбургского, занимавшего в 1809–1812 гг. пост генерал-губернатора Тверского, Новгородского и Ярославского [18, с. 1-23; 23]. Память героев войны увековечена в музеях – Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, вновь открытой «Бородинской панораме» в Москве и др.

Ярославская губерния в 1812 г. столкнулась с угрозой оккупации и проблемами размещения раненых, беженцев и пленных. В Ярославль перевезли на хранение Синодальную ризницу и наиболее ценное имущество московских монастырей. В городах губернии появились беженцы из Москвы, Твери и других местностей. В Ярославле и других городах предпринимались меры на случай возможной эвакуации. В губернских учреждениях готовили к вывозу важнейшие документы, собирали транспорт [10, с. 126-127; 15, с. 128-129; 18; 30].

«Комитет Ярославской военной силы» во главе с

гражданским губернатором князем Михаилом Николаевичем Голицыным способствовал мобилизации сил на борьбу с врагом и формированию местного ополчения [7, вып. 4, с. 124; 15, с. 76-77]. В Ярославской губернии ополчение состояло из 11 тыс. воинов под командованием генерал-майора Якова Ивановича Дедюлина, и оно особенно отличилось в заграничных походах 1813–1814 гг. На родину вернулись только 6,5 тыс. ратников, т.е. потери в рядах ополчения составили около 40% [1, с. 12, 25; 10, с. 129; 20, с. 193-203; 29, с. 206]. Повсеместно велась работа по обеспечению народного ополчения и заготовке фуража и продовольствия для армии. Губернатор Михаил Голицын лично внес на формирование ополчения 5 тыс. руб. и возглавил сбор средств на нужды армии. Всего в Ярославской губернии собрали 818 тыс. руб. [1, с. 125-146; 8, с. 124].

В Ярославле действовал Главный военный госпиталь, и жители города собирали солому, свечи и перевязочный материал для раненых воинов [19, с. 28]. Здесь стоял 30-тысячный резерв русской армии, а также был сформирован русско-немецкий легион из 9 тыс. человек, основу которого составили дезертиры из числа принудительно призванных в наполеоновскую армию [10, с. 128-129]. Великая княгиня Екатерина Павловна 13 ноября 1812 г. писала из Ярославля Н. М. Карамзину: «Пленные завидуют имени Русскому, офицеры упрашивают честь носить наш мундир, ибо нет

чести свыше оной: Россия была вторая в Европе держава, теперь и на веки она первая и скоро к стопам ея прибегнут цари, моля о мире и покровительстве» [23, с. 59]. Екатерина Павловна на собственные средства вооружила батальон из крестьян удельного ведомства и добровольцев, который участвовал во многих сражениях под командованием подполковника А. П. Оболенского [16, с. 5]. Осенью 1812 г. численность военных, раненых, беженцев и военнопленных, разместившихся в городе, в 3 раза превзошла собственное население Ярославля [29, с. 203-208; 32, с. 90-102].

Ярославцы отличились в рядах регулярных воинских частей, где многие из них проявили мужество, стойкость и массовый героизм в борьбе за свободу и независимость Отечества. В 1812 г. в русской армии служили пять генералов братьев Тучковых – Николай, Сергей, Павел, Александр, Алексей (их отец – генерал-поручик Алексей Васильевич Тучков). Дворянский род Тучковых происходил от боярина Василия Борисовича Морозова, по прозвищу Тучко, жившего в XV в., а родовые имения находились в Угличском уезде Ярославской губернии [31, с. 207].

В 1812 г. генерал-майор Александр Тучков-четвертый (по старшинству) командовал 1-ой бригадой в составе Ревельского и Муромского полков 3-ей пехотной дивизии генерал-лейтенанта П. П. Коновницына (24 батальона, 18 орудий). В сражении под Смоленском участвовали трое

братьев Тучковых – Николай, Павел и Александр. Павел Тучков-третий во время отступления от Смоленска в арьергардном сражении у Ватутиной горы был ранен штыком в грудь и попал в плен к французам.

В Бородинском сражении 26 августа 1812 г. участвовали двое братьев Тучковых – Николай и Александр. Федор Николаевич Глинка в «Письмах русского офицера» писал: «24 августа. Поздно к вечеру. Неприятель, как туча, засинел, сгустившись против левого нашего крыла, и с быстротою молнии ударил на оное, хотя все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, генерал Тучков [Н. А. – В. М.], храбрый граф Воронцов и прочие, призвав на помощь Бога, укрепясь своим мужеством и оградясь штыками русскими, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям» [5, с. 70]. По замыслу М. И. Кутузова 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Николая Тучкова должен был оставаться в засаде, а затем нанести удар неприятелю во фланг и в тыл. 25 августа он встал в низине под Утицким курганом – ключевой высоте на краю левого фланга русской армии. Однако вечером того же дня во время объезда позиций начальник главного штаба Л. Л. Беннигсен приказал Николаю Тучкову вывести корпус из леса на курган, чем нарушил планы главнокомандующего и поставил левый фланг под удар.

Утром 26 августа корпус Н. А. Тучкова был атакован

намного превосходящими его силами противника и после тяжелого боя был вынужден отступить. Кроме того, он получил приказ об отправке пехотной дивизии из состава его корпуса на помощь Багратиону и Семеновским флешам. Оставшиеся части корпуса Николай Тучков повел в атаку на Утицкий курган, чтобы обезопасить тыл русской армии от прорывавшего корпуса Понятовского. Он лично возглавил контратаку Павловского гренадерского полка, овладел курганом и установил на нем свою батарею, однако получил пулевое ранение в грудь навывлет и был унесен с поля боя. Его переправили через Москву в Ярославль, и 30 октября 1812 г. генерал-лейтенант Николай Тучков-первый скончался от гангрены и был похоронен в ярославском Свято-Введенском Толгском монастыре [10, с. 125; 19, с. 29]. На стене храма помещена табличка: «В сем Спасском храме похоронен герой Отечественной войны 1812 года, умерший от ран, полученных в Бородинском сражении, генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков».

Под командованием брата служил Александр Алексеевич Тучков (1777–1812), ставший генералом в 31 год. Он погиб на Бородинском поле во время контратаки у Семеновских флешей, подхватив знамя дивизии у раненого знаменосца и увлекая револьвер в бой. Его тело так и не смогли вынести с поля боя [9, с. 125]. Памятник героям битвы на Бородинском поле запечатлел имена Тучковых, на нем

написано: «Умерли за отечество полководцы: Багратион, Тучков 1-й, Тучков 4-й, граф Кутайсов. Всем прочим слава!». Мать генералов Тучковых, узнав о смерти сыновей, ослепла и отказалась от лечения.

Вместе с Александром Тучковым необходимо вспомнить его супругу Маргариту Михайловну Нарышкину (1781–1852). Она родилась 2 января 1781 г. в семье подполковника Михаила Петровича Нарышкина и княгини Варвары Алексеевны (урожденной Волконской). Первый брак Маргариты Михайловны оказался неудачным, и вскоре ей удалось развестись с кавалергардом Павлом Ласунским. В это время к ней посватался Александр Алексеевич Тучков, но мать возражала против столь скорого второго замужества. Через четыре года Тучков вновь просил руки Маргариты, и в 1806 г. они поженились. Маргарите в это время было 25 лет, а Александр был на четыре года старше. В 1811 г. после рождения сына Николая Александр Тучков подал прошение об отставке, чтобы больше времени проводить с семьей, однако ему не удалось покинуть военную службу. Маргарита Тучкова попала на Бородинское поле только в октябре 1812 г., но так и не смогла отыскать тело мужа. Она только примерно знала место его гибели от генерала П. П. Коновницына и солдат. Желая построить здесь церковь, Маргарита Михайловна обратилась к местным помещикам с просьбой о покупке земли, однако они дали землю бесплатно.

Император Александр I пожертвовал на строительство храма 10 тыс. руб. Сама Маргарита Тучкова продала для этого свои драгоценности и родовые имения в Ярославской и Тульской губерниях. В 1820 г. на поле битвы достроили и освятили храм Спаса Нерукотворного, ставший мемориалом Александру Тучкову и всем героям сражения.

После того как в 1826 г. умер её единственный сын Николай, Маргарита Тучкова поселилась рядом с храмом в одноэтажном деревянном доме. Нуждающиеся всегда находили в нем приют и поддержку, и скоро маленькая община выросла до 40 человек, а к началу 1830-х гг. – до 70. Первоначально в ней жили вдовы павших воинов, и она стала называться Спасо-Бородинским общежитием. Сама Маргарита Тучкова приняла постриг под именем монахини Меланьи. В 1838 г. основанная ею обитель получила статус Спасо-Бородинского монастыря, а в 1840 г. под именем Марии она стала его игуменьей. Монастырь имел многих благотворителей и, прежде всего, ему покровительствовали представители Дома Романовых. Через 40 лет после гибели мужа в 1852 г. игуменья Мария была похоронена в склепе храма, построенного благодаря её усилиям, рядом с сыном [4, с. 133; 9, с. 27; 14, с. 15; 19, с. 10].

Среди 332 портретов в Военной галерее 1812 г. в Зимнем дворце есть портреты четырех братьев-ярославцев Николая, Сергея, Павла и Александра Тучковых. В честь

празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. император Николай II присвоил имя генерала Тучкова-четвертого седьмому Ревельскому полку: «В знаменательный день празднования столетия юбилея Отечественной войны Государь император Высочайше соизволил... нижеследующим полкам именоваться впредь: 48-му пехотному Одесскому полку – 48-м Одесским Императора Александра Первого полком; четвертому пехотному Копорскому полку – четвертым Копорским генерала графа Коновницына полком; седьмому Ревельскому полку – седьмым пехотным Ревельским генерала Тучкова-четвертого полком» [6].

Жизнь братьев продолжилась на страницах выдающихся произведений художественной литературы. Николай и Александр Тучковы послужили прообразами для создания образа Андрея Болконского в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», работу над которым писатель начал в 1863 г. Воссоздавая быт и события эпохи, он использовал свои жизненные наблюдения, семейные предания, исторические труды, журнальные публикации и архивные материалы, встречался с участниками войны. Князь Андрей, как и Александр Тучков, подхватил знамя у раненого подпрапорщика, и «побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним» [26, т. 4, с. 353]. Только в романе это произошло не на Бородинском

поле, а на Праценской горе в Аустерлицком сражении 1805 г. Смертельное ранение князь Андрей получил на Бородинском поле «между Семеновским и курганной батареей» [26, т. 6, с. 260-261], а умер «в доме купца... над самой Волгой» [26, т. 7, с. 58, 70]. Его прообраз – Николай Тучков – скончался в Ярославле в особняке на Волжской набережной, д. 7/2, недалеко от Арсенальной башни, построенном в начале XIX в. дворянкой Зезевитовой [19, с. 29]. Этот дом ярославцы и сейчас называют «Дом Болконского». Сам Л. Н. Толстой не бывал в Ярославле, но в Спасо-Бородинской обители получил необходимые сведения о жизни, подвигах и смерти братьев-генералов.

В «Бородино» М. Ю. Лермонтова безымянный полковник («Слуга царю, отец солдатам...»), по некоторым предположениям, мог быть списан с генерал-майора Тучкова-четвертого, но образ этот – естественно собирательный. Как и его ставшие крылатыми слова: «Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!» [11, с. 370].

О славном генерале Александре Тучкове после столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Марина Цветаева написала прекрасные лирические строки («Генералам двенадцатого года», 1913):

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,

Ваш нежный лик.
И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена... [27, с. 29].

О Маргарите Тучковой, братьях Тучковых и героях войны может напомнить знаменитый бородинский хлеб, который начали выпекать в Спасо-Бородинском монастыре.

Историческая память о людях и событиях 200-летней давности раскрывает многовековые традиции воинской славы и непреходящие семейные ценности. Героизм Александра Тучкова, преданность и великое служение его супруги задают высокие нравственные ориентиры.

Примечания.

1. Андреев П. Г. Ярославская губерния в Отечественную войну 1812 года // Уч. зап. ЯГПИ. – Ярославль, 1944. – Вып. 1.
2. Андреев, П. Г. Ярославские ополченцы: Из истории Отечественной войны 1812 г. Ярославль, 1960.
3. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. – СПб., 1869.
4. Веселова Н. Вдова Тучкова-четвертого // Родина. 2002. № 8.
5. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера / Фёдор Глинка / сост., вступ. ст. и прим. Г. А. Галина. М., 1990.
6. Голос (Ярославль). 1912. 28 авг.
7. Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Вып. 1–11. Ярославль, 1909–1916.
8. Ельчанинов И. Н. Материалы для истории Ярославской военной силы в Отечественную войну / под ред. кн. И. А. Куракина. Ярославль, 1912.
9. Игуменья Мария // Ярославна: История успеха ярославских женщин. М.: Внешторгиздат, 2005. Т. 1.

10. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / отв. ред. А. М. Селиванов / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000.

11. Лермонтов М. Ю. Бородино // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х т. Л., 1979. Т. 1.

12. Лествицын В. Ярославские афишки 1812 г. // Ярославские губернские ведомости. – 1873. Неофициальная часть. 8, 15, 22, 29 марта, 5, 12 апр.

13. Летопись о событиях в городе Твери тверского купца Михаила Тюльпина. 1762–1823 гг. / Приготовил к изданию В. Колосов. Тверь, 1902.

14. Марасанова В. М., Саблина А. А. Ярославский край в XIX в. Ярославль, 2001.

15. Марасанова, В. М. Ярославские губернаторы. 1777–1917 гг.: Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк; отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1998.

16. Материалы для истории дворян Тверской губернии: Тверское Дворянское Ополчение в Отечественную войну и пожертвования дворян Тверской губернии в 1812-м году / под ред. А. С. Паскина; сост. В. Р. Апухтин. Тверь, 1912.

17. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года: в 4 ч. Репринт. изд. СПб., 2011.

18. Нарышкина Н. Ф. Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф. В. Ростопчина осенью 1812 года по описанию Н. Ф. Нарышкиной, урожденной графини Ростопчиной // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1912. Кн. 3. Вып. 3.

19. «Недаром помнит вся Россия...»: материалы исторических чтений. Посвящается 190-летию юбилею воинской славы России 1812 г. Ярославль, 2003.

20. Нелипович С. Г. Мусины-Пушкины против Наполеона // Мусины-Пушкины в истории России: К 250-летию А. И. Мусина-Пушкина. Рыбинск, 1998.

21. Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I: В 2

т. СПб., 1912

22. Обидин А. И. Традиции народного ополчения в Костромском крае // Вестник Костр. гос. пед. ун-та. 1997. № 2.

23. Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888.

24. Собко Е. М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. № 3.

25. 1812 год в Тверской губернии: Материалы по истории Отечественной войны 1812 г. с предисловием А. Н. Вершинского. Старица, 1912.

26. Толстой, Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22-х т. Т. 4–7. М., 1979–1981.

27. Цветаева М. Генералам двенадцатого года // Цветаева М. В полемике с веком. Новосибирск, 1991.

28. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897–1898.

29. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 г. / под ред. А. М. Пономарева. Ярославль, 1990.

30. Ярославские епархиальные ведомости. 1869. Неофициальная часть. 29 янв.

31. Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. Ярославль, 1996.

32. Ярославский край: сб. док. по истории края (XI в.–1917 г.). Ярославль, 1972.

Н. А. Русинова

Герои 1812 года в поэме В. Жуковского

«Певец во стане русских воинов»

Отечественная война 1812 года и Бородинское сражение относятся к тем событиям всемирной истории,

которые не меркнут в веках, и будут всегда служить для потомков высоким примером патриотизма, беспредельной стойкости и богатырской силы русского народа и его армии в борьбе с агрессором.

Время «грозы 12 года» воспето поэтами и писателями. Русские литераторы служили в рядах армий как боевые офицеры, участвовали в штабной работе. Но главным оружием партизана Дениса Давыдова, ополченцев Василия Жуковского и Петра Вяземского, офицера гренадерского полка Ивана Лажечникова, гусара Александра Грибоедова, многих других, оставалось слово, так необходимое сражающемуся народу. Мысли, идеи, стиль произведений периода Отечественной войны оказали сильное влияние на их преемников, в числе которых были Пушкин и Лермонтов.

В прозе и стихах прославлены подвиги фельдмаршала Кутузова, генералов Багратиона и Барклая-де-Толли и многих героев той войны. Но, среди них редко встретишь имя командующего 3-й Западной Резервной или Обсервационной армии Александра Петровича Тормасова. Удивительно, но до недавнего времени Александру Петровичу было отказано в праве стоять рядом с прославленными героями «грозы 12 года», имена которых носят улицы и площади российских городов. На пьедестале памятника Кутузову отсутствует его изображение, на здании панорамы "Бородинская битва" среди отличившихся в 1812 г. генералов, офицеров, солдат,

партизан, нет его фамилии. В 90-е XX века портрет генерала исчез из учебников отечественной истории.

У единственного среди поэтов той эпохи, Василия Жуковского, промелькнуло это имя. Пушкин был приятелем сына Тормасова, знал его отца, но в своей поэзии не уделил герою должного внимания. Бабушка сняла для юного Лермонтова квартиру недалеко, на Мойке в доме Панскова, и хозяин тормасовской квартиры, сосед - помещик Киреев, вскоре стал его издателем. Лермонтов прекрасно знал окружение Пушкина и, возможно, что какие-то воспоминания Александра Тормасова об отце нашли свое отражение в знаменитом «Бородино».

Огромная роль как всегда принадлежит мемуарам современников генерала. Барон К.-Г. Гейкинг - дядя жены Тормасова, боевые офицеры Л. Н. Энгельгард, А. А. Саблуков, В. В. Вяземский, личный ординарец И. А. Несвицкий посвятили ему часть своих трудов. Чуть позднее, у историка-летописца кавказских войн А. В. Потто – полное описание горской эпопеи Александра Петровича, у А. А. Михайловского-Данилевского – об участии в боях 1812 года. В наше время публикаций достаточно, в основном описывающих военную карьеру генерала, и часто содержащих неверные сведения.

Почему так произошло? Ведь именно Тормасову принадлежит право первой победы в той достопамятной

войне: его, соратника и единомышленника, назначал Кутузов своим заместителем в Тарутино и заграничных походах.

Мало кому известно, что семья Тормасовых связана и с ярославской землей. Литературные и архивные источники помогли воссоздать образ генерала, его психологический портрет, проследить жизнь и деятельность.

1. Семья Тормасовых

Граф Александр Петрович, генерал от кавалерии, командующий армией, происходил из древнего боярского рода. В житие Сергия Радонежского находим имена его предков. «Горе, горе тогда было городу Ростову (Ярославскому), а особенно ростовским князьям, так как у них были отняты власть, княжество, имения, честь и слава – все отошло к Москве. Из-за этих насилий раб Божий Кирилл выехал из своей ростовской деревни, о которой уже говорилось; он собрался всем своим домом и со всеми родными переселился из Ростова в Радонеж. Не только он один, но и многие другие люди переселились с ним из Ростова в Радонеж. И были они переселенцами на чужой земле, в числе их – Георгий, сын протопопа, со своими родными; Иван и Федор, из рода Тормоса, зять их Дюдень и дядя Афанасий ...также приехали в эту деревню, называемую Радонеж». Осталось памятью о бывших владельцах, на ростовской земле Тормасово, «помещичье сельцо, состоящее из 26 домов, 75 душ и 76 наделов; находится при колодцах и

прудах, в 36 верстах от Ростова; Лазарцевского прихода».

Так как в книге Д. Балашова «Похвала Сергию» Федор Тормасов назван братом матери Сергия (Варфоломея Кириллова), Марии, можем сделать вывод, что Радонежский также из рода Тормасовых. Значение роли Сергия в русской истории общеизвестно: это основание Троице-Сергиевой лавры, помощь князю Дмитрию в подготовке Куликовской битвы и многое другое.

Родоначальником рода Тормасова в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» считается Прокофий Тормасов «живший в половине XVIII столетия». Прадед Александра Петровича, Афанасий Прокофьевич, служил сокольничим при дворе Петра I, дед, Федор Афанасьевич - воеводою на Олонце (1727). Брат деда, подполковник, обер-комиссар Адмиралтейства (1716), обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии (1719) Иван Афанасьевич Тормасов, купил участок под строительство дома на Адмиралтейской стороне Санкт-Петербурга («а по скаскеево оной двор куплен в 1713 году у обер-экипажмейстера Леонтия Макушова»), рядом со светлейшим князем Меншиковым. Иван Афанасьевич Тормасов заявил, что «полаты и мазанки по даче чертежей строить буду», но строительства так и не начал, так как в 1730 году назначен воеводой в Вологду.

Многие источники именно Ивана Афанасьевича прочат в деда полководцу, эта ошибка присутствует и у

Руммеля, и в надписи на портрете Тормасова в Русском историческом музее.

Родовые тормасовские имения находились в Удомельской волости Вышневолоцкого уезда. Уроженец Вышневолоцкого уезда Тверской губернии лейтенант флота Петр Федорович Тормасов (около 1732-1789) служил в Санкт-Петербурге. Выйдя в отставку, поселился в Вышнем Волочке. В удомельском крае ему принадлежали усадьбы Артемьево, Тормасово-Комарно, село Котловино деревни Собакино, Феньково, Захарово и погост Спас-Ульстим. Эти земли унаследовал его младший сын Петр.

Документы Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) помогли уточнить родословную известного генерала своего времени. Из родословного древа, начертанного со слов дочери Петра Петровича Клеопатры Тормасовой, племянницы генерала, узнаем, что Петр Федорович и жена его Евдокия Пименовна (1739 — не ранее 1789) имели пятерых детей: дочерей Елизавету (1759 — не ранее 1789), Александру (1762 — не ранее 1789) и Анну (...-1821), сыновей Александра (1752-1819) и Петра(1757-1831).

В Большой Советской энциклопедии местом рождения будущего командующего названа Москва. Многие знатные дамы уезжали рожать в Москву, не составила исключение и юнаяТормасова. 11 августа (23 августа) 1752 года здесь родился старший сын Петра Федоровича Александр. Мать

родила его очень рано, в четырнадцать лет. Мы мало знаем о его детстве. Получив домашнее образование (знал русский, немецкий, французский языки и «часть математики»), продолжил обучение в Пажеской придворной школе. Находился при высочайшем дворе пажом до 1772 года, а затем перешел на службу в Вятский пехотный полк в чине поручика.

Начало военной карьеры. При дворе Павла I

Многие отмечают стремительный рост военной карьеры Тормасова. Через несколько недель с начала службы, Александр, в чине капитана, назначен адъютантом к графу Брюсу. В 25 лет (1777 г.) в звании подполковника - командир сформированного им же Финляндского егерского батальона. Вскоре умного и расторопного молодого офицера заметил главнокомандующий граф Г. А. Потемкин - Таврический. Подбирая деловых людей для начавшейся кампании на юге России, потребовал его к себе.

"Замеченный Потемкиным" - о таком мечтали многие офицеры. Тормасов удостоивается подобной чести и недаром. В 1782 году Потемкин направляет подполковника в Крым для умирения бунта крымских татар против хана – тогдашнего союзника России. Отряды ногайцев и черкесов, пришедших с Кубани на помощь мятежникам, были обнаружены не без участия отряда Александра Петровича. Через два года командует Александрийским легкоконным полком в чине

полковника.

В начале 2-й Турецкой войны (1788-1791 гг.) находится в Екатеринославской армии. Первое боевое крещение в военных операциях Тормасов принял в походе 1791 года. Пожалованный 21 марта генерал-майором, получил под командование бригаду. В Мачинском сражении (9 июля 1791 г.) конница Тормасова участвует в охвате фланга турецких войск и способствует их полному разгрому. В последующих боях он успешно применяет эту тактику (при участии маневренной конной артиллерии и пехотных батальонов).

Затем была Польша, подавление восстания под руководством генерала Т. Костюшко. В бою при Рацлавицах отряд генерала Тормасова потерпел поражение и отступил лесами к Кракову. Реванш был взят в октябре 1794 года, когда русские войска, под командованием генерала А. В. Суворова, взяли хорошо укреплённую позицию в столичном предместье – Праге. Приступ начался 24 октября в пять часов утра. Русские солдаты, помня о резне своих товарищей в Радлавицах полгода назад, пощады не давали никому.

Тормасов вёл одну из семи штурмовых колонн. Он бросается на самое сильное место неприятельской обороны - "восточный фронт", и, тем не менее, его солдаты первыми врываются в Прагу, захватывают мост через Вислу, с помощью подкрепления не допускают отхода польских

отрядов. Гарнизон Праги капитулирует, за ним сдается и вся Варшава. Сообщение о взятии города Суворов отправил Екатерине II в традиционной для него сжатой форме: «Ура! Варшава наша!» «Ура, фельдмаршал!» - отвечала Екатерина. Мы скажем: «Ура Тормасову».

За взятие польской столицы Суворов получил чин генерал – фельдмаршала, а Тормасов отмечен орденом Святого Владимира 2-й степени и Золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость». Кроме того, король Станислав Август прислал ему ордена Белого орла и Святого Станислава.

Конец 90-х XVIII века стал счастливым для Александра Петровича. В сентябре 98-го император Павел I сделал его шефом Орденского кирасирского полка (полка ордена Святого Георгия), 6 февраля 1798 года пожаловал генерал-лейтенантом, а 18 сентября Орденский полк стал называться Кирасирским Тормасова полком. Незадолго до этого 45-летний генерал женился на 19-летней вдове Луизе Филипповне Дириной, урожденной баронессе фон Гейкинг (06.01.1779 - 07.03.1808). Супруга графа А.П. Тормасова была лифляндской дворянкой.

При Павле I русских войск коснулись большие перемены. Сын Екатерины II вступил на престол сорока двух лет от роду, пережив много тяжелых минут в своей жизни и испортив свой характер под влиянием холодных, и даже

враждебных отношений матери. Павел I стремился к благу государства, искренне желал навести порядок при дворе и в администрации и искоренить старое. Но жестко принялся вводить в армии ненавистные прусские порядки, отстраняя и арестовывая старых талантливых людей, раздавая чины и должности мало подготовленным к государственной деятельности приближенным. Русские офицеры массами покидали места службы.

Подверглись опале Платов, Ермолов, Трегубов, Горчаков. 11 июля 1799 исключен из службы «за дерзкий отзыв и неповиновение тому, кому подчинен был», арестован и заключен в крепость Александр Петрович. В книге дяди Луизы Филипповны Карла Гейкинга «Император Павел его время», находим следующие строки: «Только что вернулись мы в город, как меня разбудили в четыре часа утра и подали письмо от моей племянницы, госпожи Тормасовой, следующего содержания: «Я в страшном отчаянии. Император только что уволил моего мужа от службы и сослал в крепость Динабург. Мой муж сегодня ночью проезжает через Митаву, а я приеду сюда несколькими часами раньше. Я не оставлю его и, надеюсь, не совершат варварства и не откажут мне в разрешении разделить его участь, ибо он болен и его едва не разбил паралич». Это неожиданное событие сильно подействовало на мои нервы, ибо я очень любил Тормасовых. Комендант крепости генерал Шиллинг, рискуя

лишиться своего места, всячески старался облегчить положение ссыльного. Он позволил госпоже Тормасовой остаться при муже, а так как местный генерал-губернатор Бенкендорф был в близкой дружбе с Тормасовым, то комендант смотрел сквозь пальцы на все, что могло скрасить дни опального».

Луиза — одна из шести дочерей курляндского дворянина Филиппа Рейнольда фон Гейкинга и его жены Анны, в девичестве Милен. Девочки рано осиротели, и дядя по отцу барон Карл фон Гейкинг воспитал племянниц (некоторые источники считают барона их отцом). Образование они получили в Смольном институте благородных девиц, где директорствовала мать его жены статская советница Софья Ивановна Лафон (deLaFont). «Детей у Гейкинга не было, но воспитанные им племянницы, баронессы Гейкинг, вышли одна за сенатора О. О. Дюгамеля, а другая за московскаго главнокомандующаго графа Тормасова», - повествуется в книге Бюлер Ф.А., Тимошук В.В. «Императрица Мария Феодоровна в ее заботах о Смольном монастыре».

Поженились Александр Петрович и Луиза в 1798 году. Брак был счастливым. Судя по всему, Луиза искренне любила мужа, и стоило за что. На портрете генерала из военной галереи есть такие слова: «По словам современника, Тормасовъ былъ высокаго роста и красавецъ

въ юности. "Щеголь смолоду, онъ и въ преклонныхъ летахъ былъ тщателенъ въ одежде, и такимъ являлъ себя на войне и въ сраженияхъ. Вспыльчивый нравъ его умерялся добродушиемъ. При строгой бережливости, любилъ блескъ».

Строки из некролога подтверждают черты его характера: «Будучи от природы несколько вспыльчивым, он умерял сию запальчивость своим добродушием и мягкосердечием, которое составляло отличительную черту его характера. Он не был ни жесток, ни злопамятен и никогда не унижался до того, чтобы угнетать или преследовать кого-либо по личному неудовольствию или озлоблению. Простота и стремление к порядку отличали Александра Петровича и в домашней жизни». Юная жена, преклонявшаяся перед мужем, не раздумывая, последовала за ним в ссылку.

За какое же преступление Тормасова, подвергли столь суровому наказанию? Император поручил командование литовским дивизионом некоему генералу, годами моложе Тормасова. Александр Петрович в порыве раздражения написал государю, что готов исполнять приказы Его Величества, но не может служить под начальством младшего сослуживца и потому просит уволить его в отставку. За это император отнял у него полк, звание и заключил в крепость. Через некоторое время Тормасова выпустили на свободу, но отправили в ссылку. С женой уехали в ее имение в Курляндии, недалеко от Митавы.

1-го ноября 1799 г. был издан манифест, в силу которого «все отрешенные и исключенные из службы могли вернуться обратно, если только они не подверглись формальному судебному осуждению». Генерал Тормасов все еще находился в ссылке и не попал под общую амнистию. Он последовал совету генерала П. А. Палена, родственника Гейкингов, обратиться непосредственно к императору. Получив разрешение вернуться, и прибыв ко двору, Тормасов произвел на Павла I выгодное впечатление. Тот, не знавший его лично, был приятно изумлен тормасовской манерой говорить и держать себя, очарован светским блеском.

«Он назначил его инспектором кавалерии в Курляндии и Лифляндии и велел прикомандировать к королю шведскому, который ожидался в Петербурге», - пишет Карл фон Гейкинг далее. 6 декабря 1800 года Тормасов назначен шефом лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, а вскоре командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого был цесаревич Константин Павлович.

В феврале 1801 г. лейб-гвардии Конный полк был возвращен из Царского Села и размещен в Петербурге, в доме Гарновского. Последующие события относятся к одним из мрачных страниц русской истории. Следует сказать, что из всей гвардии только чины Конного полка не были замешаны в убийстве императора Павла I. Тормасов был одним из немногих, кто и сам не принимал в нем участия, и не

позволил участвовать в убийстве законного государя своим подчиненным.

Весть о смерти императора ночью 12 марта принес Тормасову полковник Саблуков. Его мемуары подробно описывают все происходящие события до и после убийства: «Мы вошли в гостиную, которая была рядом со спальнею. Его превосходительство надел халат и туфли и вышел в ночном колпаке, протирая себе глаза, еще полусонный». Спросив, в чем дело и получив ответ о внезапной смерти императора, Тормасов воскликнул: «Как смее вы это говорить?!» Тормасов все понял, но нужно было сохранять дисциплину в войсках. 12 марта, между четырьмя и пятью часами утра весь полк выстроили на дворе казарм. Полковой священник, вынес крест и евангелие на аналой. Генерал Тормасов громко объявил о том, что император Павел скончался от апоплексического удара, и что Александр I вступил на престол. Затем велел приступить к присяге.

3. Кавказские войны

При восшествии на престол юного монарха Александра I, Тормасов награжден чином генерала от кавалерии и назначен инспектором по Днестровской кавалерии. Днестровская, или как ее еще называли Молдавская армия, сформированная Тормасовым в 1806 году, вскоре начала боевые действия с Турцией. За успешную деятельность командующий получил орден Святого

Александра Невского, затем назначен генерал-губернатором Киевской губернии, в 1807 – рижским. В истории Киева его имя связано с возникновением в городе первого театра, системной застройки, строительством и памятной колонны, известной как «Памятник крещения Руси». На прибалтийской земле у Тормасовых 30 сентября 1807 года на свет появился единственный, горячо любимый сын Александр. Александру Петровичу было 55 лет, его жене Луизе 28.

После Тильзитского мира Тормасов просится в отставку, мотивируя ее ухудшением здоровья и безупречной 35-летней службой. Выполняя просьбу, 11 декабря 1807 г. император Александр I уволил его с правом ношения мундира и полной пенсией. Александр Петрович был уверен, что военная карьера его окончилась, но неожиданная смерть молодой жены в 1808 году заставляет вновь обратиться с прошением принять на службу.

Известен еще один поступок, характеризующий Тормасова. В некрологе есть такие строки: «От сего брака остался ему один сын, которому для компании принял он к себе равнолетнего сына одного полковника, в сражении потерявшего жизнь и некогда служившего под его начальством. Сироту этого он содержал и воспитывал без малейшего различия со своим сыном». Как удалось установить, Александр Петрович принял на воспитание

осиротевшего сына своего друга, подполковника коннопольского уланского полка Якова Буняковского, умершего в 1809 году. Этим мальчиком, наперсником его сына на долгие годы, стал будущий знаменитый русский математик Буняковский Виктор Яковлевич (1804-1889). Из биографии математика известно, что первоначальное образование Буняковский получил в Москве, в доме Тормасова, видимо уже в бытность его комендантом. Кроме того, Тормасов воспитывал и осиротевшего племянника жены Сергея Дюгамель (1802-1856).

Назначенный главнокомандующим грузинскими войсками, в феврале 1809 года, в Закавказье прибыл Тормасов, чтобы попытаться заключить мир с Персией и в любом случае защитить Грузию. Долгие переговоры ни к чему не привели, и тогда он начал активные действия против персидских войск. Имея всего сорок три тысячи солдат и офицеров, из которых двадцать три тысячи стояли в обороне на Кавказской линии, Тормасов с двадцатью тысячами выступил навстречу противнику и 22-23 августа в упорном бою с превосходящими силами Фетх Али шаха одержал в районе Гимры-Амамлы-Артика блистательную победу.

Александр прислал Тормасову алмазные знаки к ордену Александра Невского и приказ, который велено было зачитать в войсках. «Такой необыкновенный подвиг, — писал Александр, — послужит потомству примером в том, что

усердие, храбрость и труды заменяют число войск, преодолевают самые препоны природы и торжествуют над многочисленным неприятелем». Вслед за тем генералы армии Тормасова вторглись в Дагестан и подавили там антирусское движение горских феодалов.

Годы пребывания главнокомандующего армией Тормасова на Кавказе - одна из блестящих эпох утверждения России в том огромном регионе. Именно при Тормасове Абхазия, Имеретия и Грузия вошли в состав Российской империи, и началось переселение на захваченные территории лояльных к России православных греков. Трудно переоценить роль генерала в достигнутом успехе. Умение справиться с любой сложной ситуацией, вычленив основные стратегические задачи, найти надежных исполнителей – эти качества отличали его и в будущих сражениях. «Военачальником жестким, умным, осмотрительным» называл его исследователь кавказских войн А.Потто.

Наступил новый 1811 год. Генерала отзывают в Петербург и избирают членом Государственного совета. Тормасов объяснял всем, желавшим его слушать, положение на Кавказе, просил хотя бы ещё одну дивизию для укрепления кавказских позиций, но тщетно. Ему поручают новое задание. В конце декабря 1811 года генерал М. Б. Барклай - де – Толли назначен на пост военного министра, под его руководством принято решение образовать на западных границах России 1–

ю и 2-ю армии. Командование самой крупной 1-й армией (110 т.) император решил возложить на Михаила Богдановича. 2-я армия П. И. Багратиона насчитывала 45 тысяч человек. Формирование 3-й Обсервационной армии было поручено генералу А. П. Тормасову.

Армия стояла на Волыни в районе города Луцка, южнее Полесья. Главная квартира находилась в городе Дубно. В задачу армии входило наблюдение за союзницей Наполеоновской Франции – Австрией. Численность её составляла 18 тысяч человек. На Дунае находилась 4-я армия под командованием адмирала П. В. Чичагова.

Очевидец и участник боевых событий князь В. В. Вяземский, оставил нам «Журнал» — многотомный дневник, отражающий события с 1803 до ноября 1812 года. В марте 1812 года, в связи с концентрацией в Варшавском герцогстве крупных соединений неприятельских войск, часть Молдавской армии, в том числе и егерский полк, в котором служил Вяземский, переброшены в 3-ю Западную армию под командованием А. П. Тормасова. «Журнал» остается ценным источником не только по истории Отечественной войны, но и о боевых действиях 3-й Западной армии, ее главнокомандующем.

Подчиненные нелегко выслуживали у Тормасова награды, так как хорошую службу генерал от кавалерии считал обязанностью каждого, за которую и награждать

нечего. Нелегко также было привыкнуть к строгому порядку и точности, которых он требовал во всем как в военное время, так и при управлении гражданском. Это отмечает и Вяземский: «8 числа (июнь 1812) смотрел главнокомандующий мой полк и был доволен. Ни слова солдату перед войною, ни «здравствуй» офицеру перед тем, что он должен иттить пеш, терпеть нужду и несть голову. Э, Тормасов, ты, как видно, мирной главнокомандующий». Здесь, близ западных границ России 3-я армия встретила начало Отечественной войны.

4. Отечественная война 1812 года

К маю Наполеон закончил стратегическое развёртывание своей Великой армии против России. 12 июня 1812 года его главные силы начали переправу через Неман. 1 июля 1812 года Барклай–де–Толли объявил Тормасову повеление императора, в котором, в частности, говорилось: «Собрав вверенную вам армию, сделайте движение вперёд и решительно действуйте во фланг неприятельских сил, устремлённых против князя Багратиона, который взял направление своё на Слуцк к Бобруйску; неприятель же, переправляясь у Бреста, следует к Пинску». Неприателем этим был Саксонский корпус Ренье. Тормасов к этому времени уже знал, что противник занимает Брест, Кобрин, Яново и Пинск. Поэтому командующий 3-й армией решил сначала выбить противника из занятых городов, а затем зайти

к нему в тыл.

Кобринская победа

Действия его подчинённых подтвердили устойчивую репутацию командира: они поступили так, что почти сразу же не оставили противнику ни одного шанса не только на победу, но и на спасение. Наступающие упорно шли вперёд. Где можно – хоронясь за деревьями и домами, а где нельзя – в открытую, с полным презрением к опасности. Их залп раздался лишь у самой стены. Он смёл с неё всех защитников, и русские ворвались во двор монастыря. Разгорелся бой на штыках.

Люди Кленгеля упорно сопротивлялись и на подъёмном мосту через Муховец. Вперёд пошли добровольцы. Первые их шеренги тут же рухнули, обливая кровью мост. Шедшие вслед за ними не дали времени противнику перезарядить оружие. Они рванулись вперёд со штыками наперевес. Разметали хрупкое укрепление и перекололи, мстя за товарищей, всех его защитников. Вяземский пишет, вспоминая бой: «...сражение в пожаре, быстрое движение войск, раскиданные неприятелем обозы, ревущий и бегущий скот по полю, пыль затмила солнце, ужас повсюду....»

Последнее укрепление саксонцев пало, и они вынуждены были выкинуть белый флаг. Это свершилось в полдень 15 июля. После боя Тормасов в знак уважения к

проявленной храбрости возвратил всем пленным офицерам шпаги. 16 –го Тормасов рапортует императору о победе.

Ведь были ж схватки боевые,

Да говорят еще какие!

пишет в первых строфах «Бородино» юный Лермонтов. К таким схваткам относилось и Кобринское сражение. По словам А. В. Потто: «Судьба предоставила Тормасову завидную участь в горестное для России время: первому утешить своих соотечественников радостною вестью. С тех пор имя Тормасова сделалось известным целой России, и народный восторг по отношению к нему выразился с особенной силой в Москве, где с лихорадочным трепетом следили за отступлением других русских армий к Смоленску. Когда пришло известие о победе, на сцене Московского театра давали оперу "Старинные святки". И вот, когда дело дошло до подблюдных песен, когда началось обычное величание: "Слава Богу на небе, слава, а государю на сей земле слава", — знаменитая тогдашняя певица Сандунова неожиданно вышла вперед и запела:

Слава, слава генералу Тормасову,

Поразившему силы вражеские!..

Театр дрогнул от грома рукоплесканий и криков "Ура!", и "восторженные возгласы, — говорит один современник, — смешались с радостными слезами зрителей". Это была дань народного чувства русскому народному герою. Наградой Тормасову за победу под Кобриным был орден св.

География 2-ой степени и пятьдесят тысяч рублей единовременно, "ибо, — как писал ему государь, — мне известно, что состояние ваше не весьма избыточно".

Первое поражение Наполеона подняло дух русской армии, принуждённой отступать. Ободряемый наградами и вниманием монарха и Отечества, Тормасов хотел продолжить боевые действия, но недостаток продовольствия и боеприпасов не позволил сделать это. На страницах дневника Вяземского мы видим быт армии Тормасова. Автор, очевидец и участник боевых действий, рассказывает в своем дневнике о бесконечном маневрировании войск по лесам и болотам западных областей; в то же время крупные прямые столкновения воюющих сторон были относительно редки. Марши изматывали русскую армию едва ли не больше, чем бои, стычки и атаки: «Я живу в моем шалаше... Совершенно испортившаяся дорога, едва проходимые болота, топкие плотины, дождь, самая темная ночь, множество обозов, и никакого порядка в марше, благодаря темноте! В сию ночь мы потеряли до 500 отставших и разбредшихся... Как я измучился. 46 часов не ел, не пил и с лошади не сходил... »

18 июля Тормасов двинулся на Холмск, но остановился в Антополе, узнав, что армия Ренье уже соединилась с войсками Шварценберга и они продвигаются навстречу, чтобы взять реванш за Кобринское поражение. Командующий приготовился встретить их с подготовленных

позиций при Городечне. По свидетельству князя И. А. Несвицкого бой начался 31 июля в десятом часу утра. Он описывает и действия генерала. Стоя на батарее артиллерийской роты № 18, Тормасовсамолично руководил боем. Тормасовские войска отразили все неприятельские атаки и полностью разбили два конных полка, посланные в тыл русской армии. «Сражение при Городечне можно назвать славным», - отмечает Вяземский.

Но Тормасов понимал, что дальше держаться невозможно, так как неприятельские войска в несколько раз превышают русские, и чтобы не быть окруженным, принял решение отступить, сдерживая натиск французов. Цель была одна - соединиться с Дунайской армией, которая после заключения Бухарестского мира шла к нему. 3-я армия снова отошла на исходные позиции к Луцку, прочно заняв оборонительную линию по реке Стири и закрыв Ренье и Шварценбергу дорогу на Украину, к Киеву. На южном направлении наступило затишье.

Тарутино

Из-за разногласий в армии, непримиримости Багратиона и Барклая-де-Толли, было необходимо решить вопрос о едином главнокомандующем. Пятого августа, в доме председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова собрались члены Чрезвычайного комитета. Долго искали, перебирали и

обсуждали кандидатуры. Наряду с Дохтуровым, Беннигсеном, Багратионом, Ростопчиным было названо и имя Тормасова. Всю ночь шло обсуждение, но лишь под утро члены совета назвали единственно правильное – Михаил Илларионович Кутузов. Назвали, хотя хорошо знали, что именно это имя более всего неприятно царю.

Не сразу царь согласился с предложением комитета. Три дня он размышлял и только 8 августа решился подписать указ Сенату. Наступал момент серьёзных и решительных боёв. Первоначальный план обороны Москвы строился Кутузовым как серия сражений: первое – Бородино, второе – на полпути от Можайска к Москве и третье – у стен Москвы. По поводу этого плана шла переписка с командующими армией. «Милостивый государь мой, Александр Петрович!» - неизменно начинал свои письма Михаил Илларионович.

Главкомандующий до последнего момента рассчитывал на два главных резерва: 3-ю армию Тормасова с возможным присоединением к ней Дунайской адмирала Чичагова и на резервные полки рекрутов 1812 года. Если бы это распоряжение Кутузова было выполнено, то к сражению у Поклонной горы в Бородино помимо своей 80-тысячной армии князь располагал бы более чем 200-тысячной армией против 120-130 тысяч французских солдат. И ещё неизвестно, принял бы Наполеон тогда бой. Но сражение состоялось.

Изведал враг в тот день немало

Что значит русский бой удалый,

Наш рукопашный бой!..

Ю. М. Лермонтов «Бородино»

26 августа на Бородинском поле русские войска победили, но какой ценой! Сколько потерь можно было избежать. «И не отдали б Москвы!» Увы, планам Кутузова не дано было воплотиться. Александр I сделал всё наперекор главнокомандующему. Льстивому царедворцу Чичагову самому хотелось стать победителем Наполеона, и он убедил царя не отдавать его Дунайскую армию в подчинение Кутузову для битвы под Москвой. Чичагов получил под своё командование 3-ю армию.

1 сентября Тормасову пришел приказ императора. «Письмо. 1812 год сентября 1. – Рескрипт Александра I генералу А. П. Тормасову о назначении его во 2-ю западную армию в связи с ранением генерала Багратиона под Бородином. В знаменитой победе, одержанной над императором Наполеоном генерал-фельдмаршалом князем Кутузовым под Бородином, к всеобщему сожалению генерал от инфантерии князь Багратион ранен в ногу пулею. По сему обстоятельству нахожу я перемещение ваше ко 2-й армии необходимым. Я уверен, что везде и при всяком случае вы мне дадите возможность отличить ревностную службу вашу новыми наградами».

После войны ординарцу Тормасова Несвицкому попала в руки копия следующего письма, датированного тем же числом:

1812 г. сентября 1. С.-Петербург

Секретно.

Князь Михаил Ларионович!

Приближение храброй Молдавской армии к соединению с 3-ю Западною и важность настоящих обстоятельств заставляют меня обратить внимание на необходимость, чтобы один начальник ими руководствовал. Из двух я, по искренности с вами, признаю способнее адмирала Чичагова по решимости его характера. Но не хочу я огорчить генерала Тормасова и потому нахожу приличнее вызвать его к армиям, вами предводительствуемым, как бы по случаю раны князя Багратиона. По приезде же генерала Тормасова от вас будет зависеть употребить его по вашему рассмотрению, и убыль, происшедшая в достопамятном сражении под Бородиным во 2-й армии, может вам служить предложом уже не разделять сих двух армий на двое, а почитать за одну. Тогда генералу Тормасову можете верить резерв или другую часть по вашему лучшему усмотрению.

Сохраните сей рескрипт в тайне, дабы не оскорбить впротчем весьма уважаемого мною генерала Тормасова.

Пребываю навсегда вам искренно доброжелательным. Александр.

Автор мемуаров был неприятно поражен. «Не имею права оценивать справедливость суждений покойного нашего Государя, изложенных в этом послании, адресованном светлейшему князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, — пишет Несвицкий, — Мне, однако, кажется, что именно назначение генерал-адъютанта Чичагова в качестве главнокомандующего объединенной 3-й армией продлило войну еще на полтора года... Прорыв Наполеона за Березину, на берегах которой ждал его со всем своим войском наш адмирал, сделал необходимым последующий Заграничный

поход, привел к неисчислимым жертвам и затем в корне изменил всю расстановку сил в Европе...

Я вправе думать, что ежели бы, главнокомандование принял генерал от кавалерии Тормасов, то он непременно нашел бы силы и опытности несокрушимо встать на берегах Березины и не поддаться ни на какие ухищрения врага. Пресловутая «счастливая звезда» французского императора могла закатиться напрочь еще в двенадцатом году, а сам Бонапарт, не сумевший выбраться из России, был бы по примеру другого самозванного царя - Пугачева доставлен в Москву в железной клетке. В Москву, сожженную его войсками...».

По воспоминаниям современников, своему новому назначению Чичагов был обязан не полководческому таланту, а письмами к Александру I, в которых постоянно хулил Кутузова. Поскольку царь и без того скрипел зубами при упоминании имени «старика», то Чичагов, до его позорного провала у Березины, был у Александра I в фаворе. Так, благодаря интригам царедворца, опытный командующий Тормасов остался без своей, сформированной с нуля, неоднократно проверенной в боях, сроднившейся с ним армии.

Гвардии полковник Чернышев привез два Высочайших рескрипта: первый - о назначении генерала от кавалерии Тормасова главнокомандующим 2-й Западной армией, второй

- о назначении адмирала Чичагова главнокомандующим 3-й Западной армией, объединяющей теперь в своих рядах войска как Обсервационной, так и Дунайской армии... Таким образом, история 3-й Резервной, Обсервационной армии генерала от кавалерии Тормасова закончилась. Михаил Илларионович отозвал генерала на главную квартиру.

«Вместе с рескриптами о назначениях флигель-адъютант государя привез еще и Высочайшие указы о награждении многих офицеров. Генерал Тормасов, удостоенный за взятие Кобрин, первую большую победу Отечественной войны, ордена Св. Георгия II степени, самолично вручал отличившимся ордена и ездил прощаться с полками бывшей своей армии... Так как Александр Петрович был любимым начальником и в частях у нас его хорошо знали, равно как и он узнавал многих офицеров и нижних чинов, то в этом прощании не было ничего показного, нарочитого. Напротив, все казалось естественным и трогательным. Седоусые ветераны, служившие под командованием генерала на берегах Дуная, в Польских землях и в горах Кавказа, откровенно проливали при прощании слезы. Узнав об отъезде главнокомандующего, своего первого полкового командира, александрийские гусары погрузились в глубочайшую скорбь...»

Генерал от кавалерии Тормасов прикрепил к доломану Несвицкого ордена Святого Георгия IV степени - самую

почетную, самую блистательную воинскую награду и предложил стать его ординарцем, сказав слова, которые молодой поручик запомнил на всю жизнь: «Основные события этой войны только еще начинаются. К величайшему сожалению, они будут происходить не здесь, а в центре, в сердце России! О чем можно раздумывать, князь, если французы - в Москве! Наша главная армия обескровлена после Бородина! Ежели вы хотите сражаться, господин поручик, поезжайте со мной!»

22 сентября 1812 года генерал Тормасов покинул расположение 3-й армии. «Прощайте, друзья! - встав на стременах, крикнул бывший главнокомандующий в сторону бивуаков бывших своих полков, отер набежавшие на глаза слезы и, резко поворотив коня, задал ему шпоры... Сопровождавшая генерала кавалькада рванулась вслед за ним - в ту сторону, где пылал московский пожар и разворачивались теперь основные события Отечественной войны». Он покинул юго-западные пределы империи, сохранив их от вторжения неприятеля. Позаботился он также и о вывозе продовольственных запасов из Волыни, Подолии и самого Киева, чтобы их не пришлось уступить неприятелю.

Восьмого октября Тормасов приехал в Тарутино, где находился Кутузов, который к этому времени сумел объединить 1-ю и 2-ю Западные армии. Кутузов очень радушно его встретил и назначил своим заместителем по

объединённому управлению русской армией. Он поручил Александру Петровичу начальство над всеми ее частями, за исключением авангарда, оставляя за собой только верховное распоряжение действиями. На Тормасова легло все внутренне управление войсками. Александр Петрович много сделал для укрепления Тарутинского лагеря, куда отошли для передышки перед контрнаступлением русские войска.

Поэт Жуковский работал при штабе, был в курсе всех событий и здесь начал писать стихотворение о героях войны. Октябрьским вечером Василий подошел к офицерскому костру и, волнуясь, сказал: «Господа, я хочу прочесть вам мои новые стихи. Они называются «Певец во стане русских воинов». Среди строчек были и такие:

И Тормасов, гроза врагов,
Во брани поседель!

Федор Глинка назвал стихи «великой, святой песнью... которою гордились люди 12 года».

Впервые стихотворение напечатано в журнале «Вестник Европы», 1812, № 23 и 24 с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Вскоре же «Певец во стане» стал выходить отдельными изданиями, каждый раз с некоторыми изменениями в тексте, вызываемыми ходом военных действий: характеристики одних военачальников расширялись, других сокращались; вводились новые имена, а некоторые были исключены. Возможно, Тарутинское

сражение и бой под Красным внесли изменения и в строфу о Тормасове:

И Тормасов, летящий в бой

Как юноша веселый...

Во время происходящего Тарутинского боя Тормасов постоянно находился при Кутузове. Его ординарец пишет: «Во время сражения при Малоярославце мой начальник не только содействовал князю Кутузову своими советами, но и лично пребывал под неприятельским огнем... » «День закончился славной победой, - о чем много лет спустя вспоминал Д. В. Душенкевич. - Возвращаясь в славный лагерь наш, у дороги находилась избушка, оставшаяся от бывшего постоянного двора; пред нею, по обе стороны крылечка стояла линия неприятельских знамен и орудий. Главнокомандующий, стоя на крылечке, окруженный генералами, благодарил колонны сими словами: "Вот ваша услуга — (указывал на трофей) — оказанная сего дня Государю и Отечеству! Благодарю вас именем Царя и Отечества!" Бесперывное, громогласное "Ура!", перемешанное с веселыми песнями и подсвистами, долетало эхом радости к отдаленному еще лагерю нашему и в оный даже внесено. Ночь напролет от радостного шума, казалось, хохотал весь лагерь, покой не шел на мысль, как бы праздновалось воскресение умолкнувшей на время славы русской». И славили своего вождя-Кутузова.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,

Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужастен!

В. А. Жуковский «Певец во стане русских воинов.

Победа под Красным

В сражении под Красным Кутузов, намеревавшийся своими главными силами отрезать путь Наполеону, поручает это сделать Тормасову, с чем последний с честью справился. Кутузов разделил свою армию на три части, вверив большую из них Тормасову. Отряд Тормасова, во главе трёх пехотных и одного кавалерийского корпуса, обошёл Красное с юга и перерезал французам дорогу к отступлению у деревни Доброе. Ранним утром пятого ноября три отряда (двумя командовали Голицын и Милорадович) одновременно начали атаку. Наполеон понял, что попал в ловушку. Не дождавшись арьергарда Нея, французский император вместе со старой гвардией и остатками корпуса Даву прорвался сквозь заслоны войск Тормасова и ушёл к Орше. Кутузов не желал больше терять людей, понимая, что теперь само время губит чужеземную армию, поэтому остановил генерала, пытавшегося преследовать врага. В сражении под Красным Наполеон потерял 12 тысяч убитыми и более 20 тысяч пленными, лишился почти всей артиллерии и значительной

части обозов. Потери русских составили 2 тысячи человек.

В эти памятные дни русская армия согревалась своими победами. «На дневке, вечером, часу в пятом, Кутузов, объезжая бивуаки, подъехал к Семеновскому полку, — вспоминал И. С. Жиркевич. — За ним ехало человек пять генералов, в числе которых был принц Александр Виртембергский, а позади их семь человек конногвардейцев везли отбитые у неприятеля знамена. "Здравствуйте, молодцы-семеновцы! — закричал Кутузов. — Поздравляю вас с новою победою над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! Пусть кланяются молодцам!" Кутузов и прочие генералы сошли с лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тут же кирасиры сошли с лошадей, стали в кружок и составили из знамен навес, вроде шатра» . Тысячи пленных, беспорядочными толпами скитающиеся вокруг биваков в поисках тепла и пищи, сотни трофейных орудий, шатры из неприятельских знамен — эти выразительные подробности полного торжества русского оружия навсегда сохранились в памяти участников.

Сражение под Красным стало наиболее крупным успехом русской армии с начала кампании. Александр Петрович был награжден орденом Святого Андрея Первозванного. За всю эпоху 1812—1814 годов орден этот за военные заслуги был выдан лишь семь раз и первым его получил генерал от кавалерии Тормасов

После Красненских, главная русская армия в сражениях больше не участвовала. Кутузов преследовал Наполеона усиленными отрядами. Тормасов постоянно находился при нем, заботясь о сохранении войска, учитывая то, что приближались сильные морозы. После перехода Наполеона через реку Березину Кутузов вновь временно поручает все командование армией Тормасову, который привел ее в Вильну.

Кампания 1813 года

Война 1813 года явилась прямым продолжением Отечественной войны. В последних числах декабря 1812 года русская армия перешла в наступление на трёх направлениях: на Кенигсберг – Данциг, на Плоцк и на Варшаву. Начинался Заграничный поход русской армии. Тормасов, командуя одной из колонн, на которые была разделена русская армия, переходит границу империи у Меречи. Войска под его командованием, 3 – я и 5 – я пехотные корпуса, 1 – я и 2 – я кирасирские дивизии – всего около 17 тысяч человек, 1 января начали наступление на Млаву и Плоцк. Из Бромберга, Торна и Плоцка остатки французских корпусов стягивались к Познани. С боями Познань была отбита. В последующем войска Милорадовича выдвинулись к Одеру и расположились у местечка Костено, войска Тормасова – у Цюллихау, а войска Дохтурова – у Штигеля.

Чрезмерные напряжения, неимоверно большой

масштаб деятельности, непрерывная, полная лишений походная жизнь не могли не подорвать сил и здоровья Кутузова. Уже в марте он тяжело болен. Свои обязанности Михаил Илларионович возлагает на самого близкого ему по духу и военному опыту человека – генерала Александра Петровича Тормасова. «Когда же Михаил Илларионович задержался из-за болезни в Бунцлау и никто еще не ведал, что он возлежит на смертном одре, генерал Тормасов возглавил все русские войска. Но это оказался завершающий штрих долгой боевой биографии Александра Петровича - здоровье его тогда резко ухудшилось, и он, как вынужденной милости, просил у государя разрешения удалиться от армии и возвратиться в Россию», - продолжает повествование о любимом командире Несвицкий.

После смерти Кутузова руководство армией перешло к Александру I, Витгенштейну и Барклаю – де – Толли. Уже сам серьезно больной, Тормасов, тогда командир русского гвардейского корпуса, выступил против решения императора назначить генерала Витгенштейна главнокомандующим русско-прусскими войсками. Тормасова поддержал генерал Милорадович, но бесполезно... Это не могло, разумеется, не сказаться на управлении войсками. В первом же столкновении с противником, в сражении при Люцене 20 апреля, были допущены ошибки со стороны командования, которые привели к серьёзным неудачам. Но освободительную

борьбу уже нельзя было остановить. 18 марта 1814 года столица Франции капитулировала, союзные войска торжественно вступили в Париж.

В том же году В. А. Жуковский составляет поэтическую хрестоматию в двух томах «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». Читая «собрание», поколение, выросшее в послевоенные годы, среди них Пушкин и Лермонтов, испытало на себе живое дыхание той войны и ее героев.

Е. А. Калинина

«Здесь терпение и вера святых...»

Лермонтов и Достоевский

Жизнь измеряется не числом вдохов-выдохов,
а моментами, когда захватывает дух.
Джордж Карлин,
американский писатель и актер (1937 – 2002)

Достоевскому было 16 лет, когда он стал пленником канонических строк «Недаром помнит вся Россия про день Бородина». Искрометный образ, созданный Лермонтовым и облеченный в четырехстопный ямб, был впитан Федором Михайловичем на всю жизнь.

«Бородино» - первое произведение Лермонтова, напечатанное по воле автора и с его ведома. Опубликовано в 6-ой книге «Современника» в 1837 году, как отклик на 25-летнюю годовщину Бородинского сражения. В основу

«Бородино» легло раннее героико-романтическое стихотворение Лермонтова «Поле Бородина». Стихотворение носит программный характер и является художественным открытием в истории русской реалистической поэзии. Впервые в отечественной литературе историческое событие увидено глазами простого человека, рядового участника сражения, и данная им событию объективная оценка разделяется автором. «В каждом слове слышите солдата», - писал В. Г. Белинский, а Л. Н. Толстой называл «Бородино» «зерном» «Войны и мира».

Лермонтов написал «Бородино» так, что его и учить-то не надо – само ложится в память и в сердце, чтобы не забыться уже никогда, настолько оно даже не понятно, но внятно, что кажется, любой мог бы написать так, точнее, написать именно так и никак иначе. Как это удалось 23-летнему корнету? Тайна сия велика есть. И имя ей – дар...

В семье Достоевских часто упоминалось об Отечественной войне, Бородине и московском пожаре, унесшем чуть не все состояние дедушки по материнской линии – Федора Тимофеевича Нечаева. Для старших сыновей Михаила и Федора, да и для самого главы семейства Михаила Андреевича Достоевского, «Бородино» Лермонтова - не столько панорама великого сражения и баталистика, сколько горечь публицистического упрека в адрес современности: «Богатыри не вы!» Это чуть ироническое, подчеркнуто

бесхитростное повествование. И «Бородино» они не относили к образцам заказной патриотической патетики. Один из рядовых героев так ответил на вопрос, почему при Бородине бились столь храбро: «оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: «Хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся!»

«Русская армия выстояла в чудовищной бойне», - говорил своим детям Михаил Андреевич Достоевский, сам прошедший суровую школу жизни в Отечественной войне. Отец великого классика в 1809 году оставил Каменец-Подольскую семинарию и поступил в Московскую Медико-хирургическую академию. В Отечественную войну 1812 года «студент 4-го класса» Михаил Андреевич Достоевский командирован в «московскую головинскую госпиталь для пользования больных и раненых», затем в касимовскую военно-временную госпиталь, потом переводится в Верейский уезд «для прекращения свирепствующей повальной болезни». В 1813 году его производят в штаб-лекари, и он получает назначение в Бородинский пехотный полк, в котором служит до 1818 года, когда его вновь переводят, на этот раз ординатором, а затем старшим врачом в Московский военный госпиталь. В переполненных тыловых госпиталях, в удушливом запахе крови и разложения он неутомимо производил свои бесчисленные операции и

ампутации, наблюдая войну не в героической обороне и генеральных сражениях, а в массе ее растоптанных жертв. В 1819 году женится на Марии Федоровне Нечаевой. В 1820 году уходит в отставку с военной службы, а в следующем уже определен на вакансию лекаря в Мариинскую больницу для бедных (Божедомку). Здесь то, в правом флигеле, 11 ноября (по новому стилю) 1921 года у Михаила Андреевича и Марии Федоровны и родится второй сын, будущий великий писатель Федор Михайлович Достоевский.

В 1837 году, когда написано и опубликовано «Бородино» Лермонтова, семья Достоевских переживает страшное горе, - умирает матушка Мария Федоровна. В книге Л. Гроссмана «Достоевский» читаем следующее: «В 35 лет эта слабая женщина была матерью восьмерых детей (из которых дочь Любовь, рожденная в 1829 году, прожила всего несколько дней). После появления последнего ребенка (в июле 1835 года) легочная болезнь жены штаб-лекаря резко ухудшилась. В 1836 году больную коротко остригают под гребенку. Отдельные моменты этой медленной агонии Достоевский вспомнил в своем неоконченном романе 1849 года «Неточка Незванова», описывая умирание своей чахоточной героини – тихой и несчастной Александры Михайловны. С начала 1837 года Мария Федоровна уже не выходит из своей полутемной спальни. В ночь на 27 февраля умирающая простилась с детьми, впала в беспамятство и к

утру скончалась. 1 марта Марию Федоровну похоронили на ближайшем, Лазаревском кладбище.

Горестное семейное событие почти совпало с народным бедствием России – гибелью Пушкина. Первые известия о ней потрясли Москву в начале февраля. Но в кругу родственников, собравшихся у смертного орда Марии Федоровны Достоевской, мало интересовались убийством петербургского сочинителя. Старшие сыновья узнали об этом только после похорон матери, когда вернулись в свой пансион. Федор заявил Михаилу, что если бы не семейный траур, он надел бы одежду скорби по Пушкину».

В июне 2012 года мне посчастливилось побывать в городе на Неве. Это был своего рода ответный визит из Ярославля в Санкт-Петербург. Наша библиотека стала инициатором проведения 17 – 19 мая 2012 года праздничных событий «Библиотека XXI века – центр коммуникативного сообщества», посвященных 110-летию библиотечного обслуживания Дядькова, участниками которых стали и Почетные гости из Санкт-Петербурга – потомки рода Достоевских. В Петербурге Андрей Сергеевич и Лариса Дмитриевна Ленины очень содержательно выстроили программу трех дней. В Казанском соборе, прихожанином которого является Андрей Сергеевич, мы возложили цветы к месту захоронения Михаила Илларионовича Кутузова,

главнокомандующего в Отечественную войну 1812 года. Нам удалось побывать на мастер-классах Александра Валентиновича Курочкина в музее-квартире А.С. Пушкина на Мойке, 12. Александр Валентинович обратил внимание на то, что с 1999 года мы неправильно информируем аудиторию о том, что Пушкин и Лермонтов были убиты из одного пистолета. После дуэли с Дантесом, пистолет был якобы куда-то продан, и его долго не могли найти. А через несколько лет из Польши он вновь вернулся в Россию – и попал в руки Мартынову, который в то трагическое лето, будучи отставным майором, находился на отдыхе в Пятигорске. «Пистолет был найден не тот», - сказал Александр Курочкин.

Помните, Пушкин говорил: «Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы...». Это провидческие слова. Они больше относятся к нашему времени. Листая желтую прессу и бульварные книжки, отдаваясь на волю домыслов и слухов интернета, разве мы не ступаем по грязным следам? Злословие на долгие десятилетия незаслуженно коснулось и Михаила Андреевича Достоевского – отца великого классика. Ранние биографы писателя создавали образ мрачного, деспотичного главы семейства. А ведь это был добропорядочный и благочестивый человек, труженик, непосредственный участник Отечественной войны 1812 года. Писатель

Георгий Федоров в своей книге «Московский мир Достоевского» (2004 год издания) убедительно показал, что Михаил Андреевич умер от апоплексического удара, а не был убит своими крестьянами. Весной 2012 года останки матери Достоевского, Марии Федоровны, были перевезены из института антропологии в усадьбу «Даровое», где находится могила Михаила Андреевича – отца писателя. Сегодня председателем правления музея-усадьбы Достоевских «Даровое» является Владимир Александрович Викторóвич. С ним нас познакомил профессор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского Николай Николаевич Пайков.

В 1812 году на свет еще не родились ни Михаил Юрьевич Лермонтов, ни Ф. М. Достоевский. И они не могли в то время знать, что ярославское дворянство выставило от губернии свыше 11 тысяч ополченцев, в том числе 600 конных воинов. Ярославль стал перевалочным пунктом, через который пленных французов этапировали во внутренние губернии России.

7 сентября, по новому стилю, 1812 года, состоялось Бородинское сражение, а ровно на другой день в поместье Кариан Тамбовской губернии родилась Наталья Николаевна Гончарова. На календаре был день святой мученицы Наталии – 27 августа (8 сентября по новому стилю) 1812 года. Накануне закончилось Бородинское сражение. То был момент невероятного одушевления русских людей. Тревога и любовь,

чистота помыслов и самопожертвование, благородство и смирение – все лучшее, что было тогда в народе, сошлось в одной точке бытия. И дети, появившиеся на свет в такое время, рождались будто среди облаков, а не на грешной земле, не случайно годы спустя красота Наталии Гончаровой казалась Пушкину ангельской, небесной. Вспоминая Наталию Николаевну, всегда чувствуешь какую-то виноватость. Это чувствовал и Лермонтов.

В начале февраля 1837 года П. И. Мещерский передал Наталье Николаевне Пушкиной список стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Лермонтов встречался с Натальей Николаевной у Карамзиных в 1839-41 годах. Дочь Пушкиной от второго брака, А. П. Арапова, вспоминает (со слов матери), что Лермонтов «чуждался» Натальи Николаевны, и за изысканной вежливостью обращения она угадывала предвзятую враждебность»; однако в 1841, перед отъездом из Петербурга, Лермонтов обратился к Наталье Николаевне Пушкиной с исповедью-объяснением, которую та расценила для себя не как победу своей «красоты», а как «победу сердца»: «... Мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собой в могилу».

За очень короткую жизнь (убит в неполные 27 лет), Лермонтов написал свыше 500 стихотворений, не считая поэм и драм, которые за небольшим исключением также написаны стихами. Сильные впечатления Достоевского от чтения

произведений Лермонтова относятся и к 1840 году. Вспоминая это время, Достоевский писал: «Были у нас и демоны, настоящие демоны; их было два и как мы любили их...». Из этих «двух демонов» - Лермонтова Михаила Юрьевича и Николая Васильевича Гоголя – поколение Достоевского больше любило Лермонтова. Федор Михайлович пишет: «Мы не соглашались с ним (Лермонтовым) иногда, нам становилось и тяжело, и досадно, и грустно, и жаль кого-то, и злоба брала нас». Воздействие Лермонтова ощутимо в ранних произведениях Достоевского. Герой «Штосса» Лугин – предшественник «мечтателей» Достоевского в «Хозяйке» (1847), «Петербургской летописи» (1847), «Белых ночах» (1848).

Свое последнее прозаическое произведение «Штосс» Лермонтов заканчивает в апреле 1841 года за 3 месяца до гибели. Им же повесть была прочитана тогда же в литературном салоне поэтессы Евдокии Петровны Ростопчиной. А напечатана повесть впервые будет в 1845 году. Произведение оставляет впечатление «Обрыва», незавершенности в изложении фантастического сюжета. Главный герой повести Лугин «решается» заложить душу непонятной таинственной силе, чтобы выиграть у загадочного старичка Штосса «заколдованную» красавицу. На этом все заканчивается. Однако, по смысловой линии, повесть можно считать завершенной, так как персонаж,

заложивший свою душу ирреальным силам, тем самым выбывает из борьбы за прекрасную цель, которую невозможно достичь «обманным», а тем более преступным (отказ от своей души) способом. Дальнейшее развитие сюжета с участием Лугина лишилось бы своей внутренней целесообразности. Обратив кульминацию в «финал», Лермонтов тем самым глубже раскрыл трагедию человеческого сознания, когда оно, порывая с объективными законами мироздания, пытается ложными, искусственными путями достичь прекрасного идеала. Повесть с новой силой фокусирует лермонтовское понимание любви как важнейшего состояния человеческой любви.

В 60 – 70 годы Достоевский постоянно обращается к творчеству и биографии Лермонтова. Он цитирует «Демона», «Думу», «Как часто, пестрою толпою окружен». Из стихов поэта больше всего, по свидетельству Варвары Васильевны Тимофеевой (О.П. Починковской), Достоевский любил «Прости» (из Джона Байрона) и «Пророка».

«Прости» - впервые опубликовано в 1859 году в «Отечественных записках». В черновом автографе стихотворение озаглавлено «(Прости) из Байрона». Это перевод стихотворения «Farewell! If ever fondest prayer» («Прощай! Если когда-либо самая горячая молитва»).

Прости! Коль могут к небесам

Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, -
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, -
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, -
Лишь чувствую – прости! – прости!

Обнаженность души самого Лермонтова, а не Байрона, чувствуется в этих строках. За полгода до смерти Достоевский вот так сказал о Лермонтове: «Какое дарование!... 25 лет не было, он уже пишет «Демона». Да и все стихи его – словно нежная, чудесная музыка. Произнося их, испытываешь даже как будто физическое наслаждение. А какой запас творческих образов, мыслей удивительных даже для мудреца».

Друг нашей библиотеки – Богданов Николай Николаевич, доктор медицинских наук, убежден, что стихи Лермонтова обладают музыкотерапевтическим эффектом. Когда человек читает стихи или поет, лишь 20 процентов

звука уходит во внешнее пространство, а 80 процентов – во внутренние органы.

«Пророк» - последнее произведение Лермонтова. Следующие листы в альбоме, подаренном поэту В.Ф. Одоевским, не заполнены. В этом произведении Лермонтов продолжает тему пушкинского «Пророка». Недаром он демонстративно начинает с того, на чем кончил Пушкин: «С тех пор, как вечный судия// Мне дал всеведение пророка...»

Пушкин написал свое стихотворение в начале 1826 года. Он утверждает в нем великое значение поэзии и великую роль поэта. В своем стихотворении, написанном через 15 лет, Лермонтов исходит из такого же понимания роли поэта – проповедника высоких идей – и рассказывает о гонениях, которым подвергается поэт, посмеявшийся «глаголом жечь сердца людей» и выступать с критикой общественных порядков. Впервые напечатано в 1844 году.

Владимир Федорович Одоевский (1803 – 1869), князь, писатель, музыкальный критик, был близок и с Лермонтовым, и с Достоевским.

Обращение Одоевского к Лермонтову на «ты» свидетельствовало о короткости их отношений. Перед отъездом на Кавказ в апреле 1841 года Лермонтов подарил Одоевскому небольшую картину «Вид Крестовой горы», один из лучших своих пейзажей. По-видимому, в ответ Одоевский подарил Лермонтову свою записную книжку с

надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. В. Одоевский. 1841. Апреля 13-е. Санкт-Петербург». Кроме стихов сюда Лермонтов поместит и черновой набросок к «Штоссу».

Достоевский познакомился с Одоевским в конце 1845 года. Начиная с первого своего произведения «Бедные люди», к которому Достоевский взял эпиграф из рассказа Одоевского «Живой мертвец»: «Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!... Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься, - а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил», - Достоевский неизменно интересуется творчеством и личностью Одоевского. Л.П. Гроссман считает, что прототипом князя Х-ского в «Неточке Незвановой» является князь Одоевский и образ князя Х-ского, дилетанта, мистика, благодетеля Л.П. Гроссман рассматривает как первый пример идеального князя, предвосхищавший героя «Идиота» - князя Льва Николаевича Мышкина.

Самый характер цитирования Достоевским Лермонтова свидетельствует, что его творчество было живо в художественной памяти Достоевского.

Сложно соприкасаются Достоевский и Лермонтов в теме богоборчества. Мотивы «Демона» - один из литературных источников, подготовивших почву для бунтарей Достоевского типа Родиона Раскольникова и Ивана Карамазова. В то же время и дьявольские (сниженные) двойники Николая Ставрогина («Бесы») и Ивана Карамазова соотносятся не только с прозаическим чертом из «Сказки для детей» Лермонтова, но, возможно, и с Демоном.

Наиболее частое и значимое в творчестве зрелого Достоевского обращение к роману «Герой нашего времени» связано с проблемой демонизма. В демонизме Достоевский усматривает «не непримиримость по отношению к действительности», а лишь «стремление утвердить себя над миром, попираание нравственных принципов». В Печорине Достоевский видит логическое развитие типа Онегина; героя странной, в высшей степени оригинально-русской противоположности двух разнородных элементов: эгоизма до самообожания и в то же время злобного самонеуважения».

На осмысление Достоевским «Героя нашего времени», а также творчества и биографии Лермонтова в целом, определенное влияние имели почвеннические убеждения писателя и, что весьма вероятно, нежелание (может быть и неосознанное) признать личную для себя значимость

лермонтовских романтически-индивидуалистических идей, остро изживаемых Достоевским в процессе собственного духовного самоопределения. Неслучайно самоанализ Печорина становится частью исповеди Достоевского в письме к Михаилу Михайловичу Достоевскому от 19 июля 1840 года. Отсюда и внутренний отказ признавать усвоение, хотя полемически и переосмысленное, доминантных свойств «лермонтовского человека», явившегося несомненным и ближайшим в русской прозе предшественником созданного Достоевским типа героя-идеолога.

В «Дневнике писателя» (1876) Достоевский проецирует «Героя нашего времени» на историю дуэли Лермонтова и Н.С. Мартынова. В записных тетрадях 1875-1876 годов Достоевский много раз обращается к последней дуэли Лермонтова, планируя статью о долге, чести и дуэли.

В «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевский представляет путь Лермонтова в перспективе как движение от европейских идей к народным началам. По предположению Достоевского, Лермонтов «наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой; и на то есть большие и точные указания». К таким «указаниям» Достоевский относил «Бородино», «Казачью колыбельную песню» и особенно «Бессмертную», по его определению, «Песню про

купца Калашникова».

Выдающийся пушкинист В. С. Непомнящий пишет: «Слово - это и звук, и смысл. Слова обозначают предметы жизни, но родилось слово для того, чтобы связывать человека с человеком, со всеми людьми, а всех людей – со Смыслом жизни. Идя к народному слову, Пушкин «нашел» народные идеалы». То же относится и к лермонтовскому «Бородино», которому посвящены сегодняшние Лермонтовские чтения.

Наш Лермонтов и наш Достоевский – это отсутствие дистанции вверх и вниз, попытка прочтения их произведений сегодняшним человеком с его нервом, с его эмоциональным градусом и с его опытом жизни. Современное общество боится людей. Человек-личность превратился в человека-функцию.

Чтение классической литературы возвращает нас к человеческому измерению. А еще, наверно, помогает с уважением относиться к границам пространства другого человека. Лермонтов, Достоевский – индикаторы степени поражения души.

Библиография.

1. Лермонтовская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 143 – 144.
2. Белов, С.В. Энциклопедический словарь «Достоевский и его окружение». Т.1, 2. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001
3. Русские писатели: Библиографический словарь. Т.1, 2. – М.: Просвещение, 1990

4. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в 4 томах. Т.1. – Ленинград: Наука, 1979
5. Байрон, Д.Г. Избранные произведения в 2 томах. Т.1. – М.: Художественная литература, 1987. – С.58
6. Гроссман, Л.П. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1963. –С. 26 – 27.- (Жизнь замечательных людей).
7. Карлин, Дж. Знаем, как выжить, но не знаем, как жить: Мысли о нашем времени// Наука и религия. – 2012. - № 10. – С. 19.
8. Лобачев В. «Русские живучи»// Наука и религия. – 2012. - № 10. – С.8
9. Марговская М. «Вспомним, братцы, россов славу...»//Наука и религия. – 2012. - № 10. – С.26 – 27
10. Шеваров Д. Единственная// Российская газета. – 2012. - № 205. – 6 сентября. – С.30

А. Н. Коваленко

В дни испытаний.

Письма О. П. Попова 1942 года к директору музея
«Домик Лермонтова» Е. И. Яковкиной

О жизни и творчестве Олега Пантелеймоновича Попова, о его непростой судьбе написано в последние годы немало. Пятнадцать лет проработал он в школе посёлка Семибратово, руководил «Клубом любителей русской поэзии». Его стихи Ярославская городская библиотека опубликовала отдельным изданием в 2001 году. С тех пор не прерывается связь сотрудников библиотеки с

Государственным музеем-заповедником М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. Каждый новый факт биографии О. П. Попова, обнаруженный исследователями, интересен, и с каких-то новых сторон, как сквозь призму, высвечивает внутренний мир этого удивительного человека, добавляя новые штрихи к его портрету.

Среди бумаг, оставшихся после смерти бывшего директора музея «Домик Лермонтова» Елизаветы Ивановны Яковкиной, обнаружили и письма Попова к ней. Их не так уж много: Олег Пантелеймонович писал своему директору, отчитываясь о работе музея, когда Яковкина уезжала в командировки. А потом, когда началась война, и его отправили на трудовой фронт, он продолжил эпистолярное общение с Елизаветой Ивановной. Письма этого периода очень интересны тем, что они стали историческими документами. Тетрадный лист и два открытых письма, исписанные карандашом, дают представление о том, что творилось на Северном Кавказе перед наступлением фашистской армии, и что мог чувствовать человек образованный, умный, творческий, предчувствуя, но, не представляя ещё, что ему предстоит, и какая тяжкая судьба уготована ему.

Но прежде чем представить письма О. П. Попова, хочется ещё раз рассказать о его жизненном пути, тем более, что та историческая справка, которая включена в это сообщение,

почти недоступна, несмотря на её публикацию. Составлялась же она, когда Попов был ещё жив, поэтому некоторые факты сообщены самим героем нашего сообщения. (В историческую справку внесены некоторые коррективы).

Олег Пантелеймонович Попов - лермонтовед, поэт, сотрудник музея «Домик Лермонтова» с 25 ноября 1937 года по 9 августа 1942 года. Один из авторов «Лермонтовской энциклопедии», автор ряда значительных статей по лермонтоведению, опубликованных в различных журналах и периодической печати.

О. П. Попов родился 22 декабря 1914 года в городе Смоленске. С середины 30-х годов жил в Пятигорске. Сотрудничал в краевых газетах «Северо-Кавказский большевик», «Молодой ленинец» и «Пятигорская правда». Учился заочно в Северо-Осетинском государственном пединституте, где преподавал выдающийся лермонтовед Л. П. Семенов. Уже в эти годы О. П. Попов начинает заниматься изучением жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Окончить институт помешала Великая Отечественная война.

10 января 1943 года, благодаря мужеству и находчивости, О. П. Попов спас музей «Домик Лермонтова» от уничтожения.

В марте 1947 года он был арестован за сотрудничество в оккупационной газете «Пятигорское эхо» и работу в качестве участкового надзирателя полиции во время

оккупации Пятигорска. Несмотря на неоспоримые доказательства его участия в спасении Лермонтовского музея и некоторых жителей Пятигорска от уничтожения гестаповцами О. П. Попов осудили к ссылке на каторжные работы сроком на двадцать лет, с поражением в правах на пять лет и с конфискацией имущества. О. П. Попов был сослан в г. Воркуту, где работал на строительстве и в шахте, добывая уголь, а затем в школе для заключенных. Был освобожден в феврале 1956 года со снятием судимости и полностью восстановлен в правах.

После освобождения О. П. Попов с отличием окончил филологический факультет Государственного пединститута в г. Ростове-на-Дону.

В Воркуте О. П. Попов прожил двадцать пять лет. Работал в школе. Здесь он продолжил заниматься литературоведением и, в частности, лермонтоведением: получил от лермонтоведа В. А. Мануйлова предложение написать несколько статей для «Лермонтовской энциклопедии». Первой и, как считал сам автор, лучшей, была статья о церковно-славянизмах в языке Лермонтова, но, к сожалению, из-за сокращения объемов издания не была опубликована, остальные помещены в энциклопедию.

После выхода на пенсию О. П. Попов перебрался на жительство в поселок Семибратово Ярославской области, где на протяжении последующих пятнадцати лет руководил

«Клубом любителей поэзии», на занятиях звучали и его стихи. В это же время О. П. Попов сотрудничает в журналах «Русская литература», «Русская речь» и других, а также в местной периодической печати, где публиковались его статьи о Лермонтове.

С 1995 года, благодаря Государственному музею-заповеднику М. Ю. Лермонтова, некоторые его статьи по лермонтоведению и стихи публиковались в краевой курортной газете «Кавказская здравница» и доброе имя спасителя музея «Домик Лермонтова» было восстановлено. Фотография О. П. Попова экспонируется в литературном отделе Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова.

О. П. Попов скончался 3 февраля 2000 года, а спустя два месяца, в апреле, в Семибратово пришли документы из Ставропольской прокуратуры о его реабилитации.

И после смерти О.П. Попова в журнале «Русь» продолжали публиковаться его статьи на лермонтовские темы.

В 2001 году в Ярославле издан сборник стихов О.П. Попова разных лет «Я жить хочу – как ветер над волной». В 2004 году Ставропольский Государственный университет предпринял издание работ лермонтоведов Ставропольского края, куда были включены и статьи Олега Пантелеймоновича. Тем самым ещё раз, уже после смерти Попова

подчёркивался его значительный вклад в лермонтоведение. К величайшему сожалению, это издание почти недоступно: по распоряжению министра культуры Ставропольского края тираж книги был разослан в сельские школьные библиотеки. Считаем необходимым продолжение сбора материалов о Попове в ярославской библиотеке имени М.Ю. Лермонтова, где уже находится его переписка с К. Жестовской (в копиях).

В сообщении приводим также несколько стихотворений этого периода.

Когда началась Великая Отечественная война, О. П. Попова в армию не призвали по зрению: он страдал астигматизмом. В стихах появляются тревожные нотки: вместо изображения прекрасных пейзажей – предчувствие неизбежного зла

*Свищет ветер у Арфы Эоловой,
Тихо плачет флюгер стальной,
И туман, словно жидкое олово,
Затопил весь мир подо мной.*

*Будто солнце навеки скрылось,
Будто в мире нет ни души.
Только листья летят бескрыло,
Да трава обреченно шуршит.*

*Свищет ветер у Арфы Эоловой,
Равнодушно колонны молчат.
И деревья склонили головы,
Ожидая зимы-палача.*

Зимой Олега и его подругу, ставшую затем гражданской женой, Ирину Фёдоровну Шаховскую, отправили на трудовой фронт в село Александрию, где она рыла окопы, а Олег – в лесу, лесорубом.

*Замело сердитою порошею
все дороги, все тропинки.
Налетели мысли нехорошие, -
Ты прости меня, Иринка.*

*То прощанье в ночь морозно-снежную
Мне последним показалось.
Думал я, что наша сказка нежная
Недосказанной осталась.*

*И сидел я грустный, как заброшенный,
И тюрьмой казалась хата...
Ты прости меня, моя хорошая,
Это вьюга виновата.*

В 1942 году, потерпев неудачу под Москвой, фашисты направили войска на Кавказ, стремясь добраться до нефтяных промыслов Баку и Грозного, а также соединиться с союзными армиями, находившимися на Кавказской границе СССР. Наступление врага было стремительным, а Совинформбюро сообщало неверные сведения о его быстром продвижении.

Летом 1942 года Олег находился в Арзгирском районе, на уборке сельскохозяйственных культур. Отсюда писал Е. И. Яковкиной.

**Письма о. П. Попова к Е. И. Яковкиной из Арзгирского района,
Шангрык, Овцесовхоз № 3.**

Письмо № 1:

1.07.1942 г. Добрый день!

Не совсем. Мне грустновато стало. Немного заболел, - и получил письмо с неприятными вестями...

Кажется, буду весовщиком, - сегодня был на инструктаже. Боюсь, что тогда дольше пробуду здесь. Но это неизвестно.

А я писал Вам, что у нас на таборе читают вслух «Героя нашего времени» уже в третий раз? А на днях в перерыве один паренёк «Бородино» декламировал.

Жду Вашего письма, - и сам хочу написать побольше. Ведь Вы для меня – один из самых близких людей, хотя я и не умею сказать этого. Всего Вам хорошего.

Олег.

Письмо №2:

10.07.1942 г.

Недавно я шёл по степи один. Много думал о Пятигорске. И тогда мне представилось, что я пишу Вам большое и до конца откровенное письмо, - и строки складывались так легко и свободно, - и именно такие строки, как я хотел. Боюсь, что сейчас на бумаге так не получится. Не то настроение. И я не в степи, где просторно взгляду и мыслям, - а в душном вагончике. Идёт мелкий дождик я уже вымок в поле, теперь сохну (извиняюсь, - обсыхаю).

Я всё ждал Вашего большого письма. Если оно придёт, - м. б., окажется, что я на него частично ответил. А если не ответил, - отвечу. Теперь же пишу так, от себя, что думается.

А думается многое. Вероятно, посторонний человек очень удивился бы, узнав, какие мысли бродят в голове этого сухощавого,

загорелого верзилы, босого, в латаных брюках, без рубашки и в серой от солнца и пыли тюбетейке. Верзила только что слез с лобогрейки (правильное название, согревает хорошо, более трудной работы пока не выполнял), послал людей за солью и сеном (он теперь, к сожалению, бригадир) и вот пишет письмо.

Первое письмо, - к сожалению, малоудачное, - невесте. (Видите, какой я смелый, - как пишу!). Вы, наверное, всё знаете. Сейчас я верю и себе, и Иринке. Верю – или, может быть, надеюсь, - что мы будем вместе. И больше ничего не хочу добиваться. Мечтаю о новых краях, куда мы уедем вместе, о милой Теберде, о неведомом мне Исфайрам-сае, о недоступной мне Италии.

Но кроме любви есть и дружба. Есть много друзей, - более или менее близких, но самый близкий один. Это Вы. Я, кажется, никогда не говорил этого, а если и хотел сказать, то что-то всегда связывало меня. Но даром мне и дома, и ещё кое-где иногда полухутия говорили о моей второй матери. Это уже больше, чем дружба, - но это то, что я нередко чувствую. И когда я мечтаю о «побеге» с Иринкой, то мне кажется, что Вы будете где-то рядом с нами.

Но «жених» имеет семью. И сейчас, когда все грозы прошли, когда всё ясно и решено, - у меня стало более тёплым чувство к Люсе и Вале Прим.: Люся – дочь, Валя первая жена О. П. –А.Н.К.). Вероятно, я долго буду не то, чтобы скучать, нет, тут иное чувство, и я не нахожу ему название. От него немного болит сердце, где-то внизу, но боль тёплая.

С месяц тому назад Валя рассказала мне, что очень подружилась с одним раненым, - он уехал, и она не надеется встретить его, но вспоминает эту дружбу (я бы сказал – любовь, но это её слова), как что-то светлое. Я был бы очень рад, если бы это было серьёзно и хорошо кончилось. А если жизнь Вали сложится очень плохо, - мне будет больно, и боль будет холодная.

Вот люди, о которых я думаю. О себе отдельно я не думаю.

Сейчас моя судьба связана с другой. Иногда мне немного жутко, что та, кто (выражаясь фигурально) держит моё сердце в своих руках, сама так непостоянна (не в смысле увлечений), капризна порою. Но я надеюсь, что любовь поможет и научит.

Кем я буду дальше, не знаю. Может быть, изменю Михаилу Юрьевичу, только не знаю, как с меня за это спросится. Но никаких планов не строю. А в свою литературную будущность не верю, хоть ругайте меня, хоть нет. Я бы рад был услышать отзыв серьёзного, знающего и беспристрастного человека, но знаю, что такой отзыв огорчил бы меня, несмотря на то, что совпал бы с моим мнением. Когда всё наладится, я сделаю кое-какие попытки и опыты, но на них не надеюсь. Я знаю, что какая-то школа во мне есть, но нужно столько упорства, решительности и выдержки, чтобы раздуть костёр, - сколько я не имею. У меня есть выдержка, но какая-то странная. Вот сейчас. Я не более других приспособлен к условиям. И мне трудна работа, и мне осточертело пиено с водой. Я мёрзну по ночам под своим сдуру взятым летним одеялом. Мне тяжело в той до крайности пошлой и циничной обстановке, какая сложилась тут. Моё самолюбие часто весьма чувствительно задевается. У меня совсем нет здесь друзей, кроме степи и ветра. Ноги болят. При одном воспоминании о некоторых паразитах тошно делается, - а тут не одни воспоминания! А, вероятно, люди думают, что я не замечаю всего этого, или отличаюсь редкой выдержкой. И только я знаю, что дело не в выдержке, а в умении затаивать свои чувства. И силу придаёт лишь уверенность, что всё скоро кончится. Получается бег на короткую дистанцию. А на длинную пороха не хватит...

*А теперь такое время,
страшный год...*

И я с тревогой думаю: а если не успею вернуться в Пятигорск? Что тогда? Хватит ли сил у Иринки? Найду ли её? И думаю, что искать и ждать буду, прежде всего, в Пятигорске. А в мечтах однажды (мои

мечты часто – как рассказы) нашим добрым гением были Вы!

Вот перечитал написанное и увидел, что не сказал всего, что хотел. А сам ещё меньше скажу, - на расстоянии я смелее. А письмо пора кончать, - дождь прошёл, надо что-то делать.

О житье-бытье моём Вас, верно, информирует Ира. Нового мало. Ждём уборки хлеба, тогда веселее будет. Боюсь, что в августе мы не вернёмся, - дела непочатый край, а уже почти месяц прошёл, и ничего не сделано.

Привет всем, особенно Людмиле Николаевне (Назаровой - А.Н.К), Наталье Владимировне, Маргарите Фёдоровне (там ли она), Вове, - и всем, знающим меня кому я не противен. А Вам от всей души и от всего сердца, самые лучшие пожелания и самый большой привет.

Олег.

P. S.

Если «Пят. правда» напечатает мою статью, - Вы не сможете прислать мне вырезку?

Степная нескладница

Ветер всё сильнее,

Небо всё темнее,

Я ж всё веселее

И глупее.

Читаю стихи пшенице,

Машу рукою птицам,

Пою нелепые песни

О ветре буйном, вешнем.

Шумит трава сухая,

Свистит летящий песок,

А я широко шагаю

Подмышкой зажав узелок.

*И так свободно шагается,
И так легко улыбается,
И только стихи не ладятся,
Ну что ж, напишу нескладницу.*

*Ведь той, кому пишу я,
Не только стихи нужны,
Ей губы мои нужны
Для жарких поцелуев.*

*Возьми ж, родная, возьми
Стихи и губы мои!*

Письмо № 3.

13.07 1942 г. Добрый день!

Что-то никак не дождусь Ваших писем. Послал Вам на днях большое лирическое письмо, - получили ли?

Нового немного. Люди бегут. В работе перебои (дожди), и это приводит к сочинению слухов, к спорам и т.д. Мне моё новое ампула окончательно не нравится. А тут ещё сбежал учётик, - и это дело на мою голову. Все говорят, что я очень похудел. Но не ослабел. Сейчас я вижу, что ни от кого из наших в работе не отстану. И лучшие часы сейчас это те, когда я забываю о бригаде в целом – спокойно копню сено или еду на лобогрейке. Конечно, ещё лучше, когда иду по степи или читаю милые письма. А так всё надоело уже. А ещё месяц, 3 или больше. Аман дела! Ну, ничего. Всё кончится. Всего доброго. Привет всем.

Олег.

7-го или 8-го августа Олег Пантелеймонович вернулся

в Пятигорск. На 10-е была назначена мобилизация оставшегося в городе мужского населения. А 9-го августа в город вошли фашистские войска. Началась оккупация, продлившаяся до 10 января 1943 года. В этот день уходивший из города враг попытался уничтожить музей «Домик Лермонтова». И только находчивость Олега Пантелеймоновича спасла реликвию. Но это уже другая история.

В. Д. Минаков

**Драма М. Ю. Лермонтова «Маскарад»
в постановке Александрийского театра 1917 года**

Этот монументальнейший спектакль вошел в историю русского театра как своеобразный апофеоз ушедшей в небытие эпохи.

Поводом для обращения к Лермонтову послужила подготовка постановки «Маскарада» к 100-летию М. Ю. Лермонтова. Эту постановку Александрийский театр готовил с 1911 года. К работе были привлечены лучшие творческие силы: постановщик Всеволод Мейерхольд (1874 – 1940) , художник Александр Головин (1863 – 1930), композитор Алексей Глазунов (1865-1936), исполнитель главной роли Юрий Юрьев (1872—1948). Ю. М. Юрьев – крупнейший актер русской сцены, блестящий исполнитель мольеровского

Дон Жуана, Царя Эдипа, Арбенина. Дебютировал в Малом театре, его партнершей была сама М. Н. Ермолова. В 1883 году его переводят в Петербург, где он и встретился с Мейерхольдом. Со временем исправил сутулость, заработал величественную осанку. Глуховатый тенор превратился в баритон дивной красоты. Роль Арбенина была его мечтой. Спектакль «Маскарад» не был выпущен в 1914 году из-за трудностей военного времени, грандиозность намеченной постановки была не осуществима.

Работа над спектаклем была в полном разгаре, когда Теляковский, директор театральной дирекции императорских театров заявил: «Теперь не до «Маскарада», да и Александринский и Малый театр так и не смогли возобновить постановку к юбилею, но «Маскарад» был тогда поставлен другими театрами.

«Маскарад» стал вершиной, к которой Мейерхольд и Головин пришли в итоге почти десятилетнего совместного творчества. Они начали сотрудничать в 1908 году. Мейерхольд вспоминал, что был принят на императорскую сцену благодаря энергичному желанию художника А. Головина. Участие Головина и Глазунова определяло высочайший уровень воплощения замыслов режиссера, а Мейерхольд не следовал традиционной сценической игре актеров, разрушая ее.

Драма Лермонтова в режиссерской трактовке

Мейерхольда приобрела известный налет символичности. Фатальная предрешенность ощущалась в развитии действия. Работа же художника и композитора направлялась по реалистическому пути. Пышные краски декораций, костюмов и музыки были жизненно полнокровны, сочны и романтически.

Спектакль готовился около 6 лет. Мейерхольд устроил до 200 репетиций, не считая отдельных ансамблевых занятий. Смерть актера Далматова, прекрасно репетировавшего роль Неизвестного помешала осуществить постановку в 1915 году, герою «Маскарада» Неизвестному отводилась в спектакле ключевая роль.

Театр, дерзнувший поколебать установившееся мнение о том, что эта гениальная пьеса долгое время считалась малоудачной и несценичной, готовил драму с особой любовью и тщательностью.

Как известно были три редакции постановок «Маскарада». Первая – в три действия (1835 г.), вторая – в четыре действия того же года. Третью редакцию под названием «Арбенин», написанную в 1836 году еще при жизни Лермонтова, трижды ставили, пытаясь пробить глухую цензурную стену. Но театр не смог добиться разрешения на постановку.

Впервые в отрывках этот спектакль был сыгран любителями 31 января 1847 г. в г. Галиче Костромской

губернии. Первое представление отдельных сцен на профессиональной сцене состоялось 27 октября 1852 г. «Маскарад» на сцене Александринского театра не был репертуарным, оставался гонимым даже после официального разрешения пьесы царской цензуры в 1852 г. Далее отдельные сцены были показаны зрителям в Малом театре 21 января 1853 г., а 13 января 1864 г. полностью был представлен публике в Александринском театре.

Большая заслуга в продвижении «Маскарада» на профессиональную сцену принадлежит М. И. Писареву с успехом выступавшего в конце 60-х годов в театрах Самары, Оренбурга, а затем в недолго просуществовавшем частном театре Бренко (Санкт-Петербург). Театр Бренко поставил «Маскарад» в пять актов всего пять раз из-за технических трудностей, но обращение к Лермонтову-драматургу первого русского частного театра, державшего курс на классический русский репертуар, весьма заметное явление. К сожалению, интриги казенных театров и новых театральных предпринимателей, а также коммерческая неопытность, скоро погубили молодое, многообещающее начинание.

Большая часть артистов театра Бренко после его закрытия перешла в новый русский драматический частный театр Корша, в том числе М. И. Писарев. В сезонах 1882/83 годов и 1888/89 годов был возобновлен «Маскарад». В третий раз возобновление состоялось в 1912 году. Здесь уже

наметилась идея стилизации и символизации пьесы. Постановка Зиновьева с декорациями Костина открывала целую полосу символистской ревизии «Маскарада» Лермонтова. Зритель не принял мистического «Маскарада». Коршевскому постановщику не хватало выдумки для изображения Неизвестного: он остался в тени.

В 1916 году появилось новое известие: «Наконец-то репетируют «Маскарад» Мейерхольда вовсю. Головин заканчивает декорации... Глазунов – музыку». Незадолго до премьеры в статье «Маскарадная неделя» сообщалось: «В Александринском театре все сбились с ног... Нервничают все: и Теляковский, и Мейерхольд, и Головин, и Юрьев, и даже невозмутимый Глазунов, который лично руководит музыкальными репетициями».

Премьера состоялась за два дня до Февральской революции – 25 февраля 1917 г. Это было большое театральное событие, двойное торжество: лермонтовский юбилейный спектакль явился одновременно и чествованием 25-летия творческой деятельности Ю. Юрьева, исполнителя роли Арбенина.

Спектакль ставился в тревожной обстановке. Шествие демонстраций наталкивалось на ожесточенные сопротивления полиции. Движение транспорта нарушилось, добраться до театра было чрезвычайно трудно. Тем не менее, зал оказался переполненным. Спектакль произвёл грандиозное

впечатление. Дирижировал сам Глазунов. На его фраке выделялся Орден Почетного легиона, награда правительства Французской республики.

На премьере «Маскарада» многое делалось в последний момент. Он шел как последний «придворный» спектакль со всем причитающимся антуражем, в ложах - члены царского семейства и представители высшей аристократии.

Каков же был спектакль, рожденный Мейерхольдом, Головиным, Глазуновым и Юрьевым.

В вечер 25 февраля 1917 г. зал Александринского театра – с рядами кресел из кораллово-красного бархата, сиянием хрустальных люстр и блеском золотых орнаментов – как бы сливалось со сценой, на которой вырос выстроенный специально для «Маскарада» архитектурный классицизм, стилистически родственный ампиру Карла Росси. Немой свидетель трагических событий, этот портал замыкал насыщенное драматизмом действие в прекрасную и холодную неподвижную сцену. Полукруглый просцениум доходил почти до 1 ряда кресел, две парные лестницы вели с него в оркестровую яму. По центру просцениума, между массивными дверями и тусклыми зеркалами, свисал главный занавес спектакля, состоявший из находивших друг на друга «языков-арлекинов, окаймлённых золотыми кантами и серебряными шнурами с тяжелыми кистями. Строгая

симметрия ниспадавших плоскостей, преобладание красного создавали впечатление торжественной, почти трагической величавости. Окружение Трагизма усиливалось введением в цветовую гамму черного: черные арлекины чуть выступали из-под красных, пока лишь как зловещее предостережение – это была цветовая увертюра спектакля. Десять картин спектакля разъединялись – как необходимыми музыкальными паузами – двумя антрактами, смена картин внутри не прерывала действия: декорации менялись за игровыми занавесами (их было четыре), отрезавшими сцену от просцениума, на котором актеры продолжали игру. В конце первой картины спускавшийся за спинами Арбенина и Звездина «маскарадный» занавес скрывал карточные столы и игроков в клубах табачного дыма, слышалась танцевальная музыка и гомон толпы. Из-под занавеса на просцениум скользили группы масок. Арбенин и князь оказывались в гуще маскарада. Фестоны «маскарадного» занавеса заканчивались звенящими при каждом прикосновении бубенцами; при звуках кадрили он поднимался, объединяя просцениум с маскарадным залом, сверкавшим огнями свечей, отражавшихся в матовой поверхности зеркал. В пиршестве красок кружилась толпа, ее непрерывное движение создавало все новые гармонические сочетания. Непроизвольная маскарадная атмосфера была построена на основе четкого режиссерского рисунка; даже танцы в этой

картине Мейерхольд ставил сам, и в движении то затухающего, то разгорающегося маскарада царил многократно маскарадный ритм. В венецианской «батуте» черно-лилового цвета возникал и скрывался среди толпы Неизвестный.

Александринская постановка 1917 г. вся проходила под знаком Неизвестного. Ю. Юрьев так пишет о роли Неизвестного: «В маске появлялся человек и исчезал, затем он появлялся в сцене бала, в момент отравления Нины, и наконец, в последнем акте снова появлялся человек, как бы всем своим существом прикованный к гробу Нины, и жутко бросал через плечо князю отрывчатые фразы. Во всем его облике и поведении было что-то мистическое, роковое, жуткое». Мистический колорит спектакля подчеркивали маски и музыка Глазунова. Кульминационной точкой мистического звучания спектакля была панихида, которую хор Архангельского пел над гробом Нины. Знаком Неизвестного спектакль заканчивался. Этот же маскированный персонаж по окончании драмы проходил через всю сцену за прозрачной тканью траурного занавеса.

Важнейшие мизансцены Мейерхольд приближал к зрителю. Декорации размещались не далее второго плана сцены, игровая площадка сцены еще более сужалась ширмами. Исключением были картины Маскарада и бала, где сцена раскрывалась вширь и вглубь, но и здесь Головин

подчеркивал цветом и определял пространственно необходимые композиционные точки. Ни по центру, ни по композиции, ни один интерьер спектакля не являлся бытовым. Эмоциональная жизнь цвета определялась напряжением действия и поддерживала его. Предметы декора, реквизиты выполнялись укрупненно, в размере несколько большем, чем свойственно им в быту. Падуги и арлекины, гармонируя с интерьерами, не принадлежали им, они вели аккомпанемент, не переступая функции репрезентативного обрамления. Это была «одежда» спектакля, подчеркивавшая, что заключенное в репрезентативную форму действие разворачивается по законам поэзии. За окнами гостиной баронессы Штраль раскрывался зимний пейзаж с опущенными инеем обнаженными кронами деревьев.

Особой напряженностью композиции и цвета отличалась картина, которую Головин назвал «страшной игральной». Боковые драпировки ширмы, ниспадающие низко арлекины предельно суживали пространство. В оконном проеме на черном небе зловеще светился кроваво-красный рог полумесяца. Лампы на столе бросали из-под абажуров беспокойные блики на лица игроков и на красные обои стен. Декорации этой картины как бы соответствовали цветовой гамме главного занавеса, но в них все цвета накалены до предела. Пластический цветовой удар

акцентировал узловую момент развития трагических событий.

Маска, личина, открывающая лицо, обманчивый блеск Маскарадного веселья, за которым притаился неумолимый призрак – эти темы, получив воплощение в ряде режиссёрских работ Мейерхольда нашли отражение и в «Маскараде».

Сергей Эйзенштейн, будущий ученик Мейерхольда, присутствовавший на спектакле, оценил магический эффект архитектуры светового слияния театрального помещения с убранством сцены и искусство сценического действия, в последствии говорил: «Мне хочется, чтобы цветом разгоралась мысль и, сливаясь с темой изображения, порождала образ».

Музыкальное оформление спектакля было встречено положительно. Музыка Глазунова приводит всех в величайший восторг. «Музыка Глазунова гениальна» - сообщалось в прессе. Такое же было мнение и участников спектакля. Особенно любил ее Ю. Юрьев. Своей музыкой Глазунов стремился передать интонационный строй Глинкинской эпохи. Он счел необходимым ввести в спектакль музыку М. И. Глинки «Вальс-фантазию» и «Венецианскую ночь». Эта музыка органично вошла в спектакль, она глубоко и точно передает драматические коллизии. В 1916 г. в процессе непомерно затянувшейся сложнейшей постановки, Глазунов дописывает в свою музыку

еще один номер. Это – роль Нины, которая становится одним из наиболее пленительных вокальных сочинений композитора. В романсе Нины – сложный мир ее чувств, воспроизведен характер русского романса первой половины 19 века. Аркообразный аккомпанемент воплощает нежность, женственность героини, безысходное настроение; затаенная сдержанность скорее прорывается лишь в заключительной фразе: «... и целый ад души моей». Роль глазуновской музыки в «Маскараде» отнюдь не второстепенная.

Музыка к «Маскараду» - прикладная музыка к драматическому спектаклю. Так можно было бы сказать о Глазунове, оглядываясь на весь предыдущий путь композитора. Однако это не так. Музыка к «Маскараду» - один из немногих примеров возвышения роли композитора в спектакле, не ставившем перед собой больших музыкальных задач. Глазунову с поразительным проникновением в стиль лермонтовского произведения и работу режиссера Мейерхольда и художника А.Головина удалось внести в спектакль множество эмоционально-выразительных моментов, делающих эту музыку органически закрепленной за Лермонтовской драмой.

«Маскарад» называли величайшим спектаклем 20 века по своей высочайшей художественной форме и блестящей режиссуре. Он собирал в неразрывное целое, живопись, пространство, музыку, игру актеров, рисунок каждой из

мизансцен, темп и ритм действия.

Содружество Мейерхольда и Головина представляло собой не только в высшей степени талантливый творческий альянс, но и новаторский прорыв в новую сценографию 20 века, в создании спектакля-зрелища, спектакля-красного праздника.

Но, возможно, главными были выдающиеся творческие силы, которые принимали участие в его создании и творили не просто блестящий и роскошный спектакль, а представляли вершину российского театра конца 19 века до начала прошлого века, его квинтэссенцию, его пик. С другой стороны, успех и магическая притягательность мейерхольдовского спектакля «Маскарад», возможно, в блестящем выражении той надвигающейся и уже отчетливо звучащей трагедии времени, которая нависла над всеми, оповещающая о близком конце этой жизни и времени грозных перемен. Мейерхольд трактовал «Маскарад» как глобальную социальную метафору, как Маскарад целой эпохи.

«Маскарад» Мейерхольда – постановка со своей неповторимой судьбой. Именно высочайший уровень спектакля обусловил его долгую сценическую жизнь в новое время. С незначительными редакциями В. Мейерхольда последний спектакль прошёл 1 июля 1941 года, и в трагические дни ленинградской блокады большинство декораций погибли.

Лермонтовский цикл Георгия Свиридова

М. Ю. Лермонтов, его личность и творчество, всегда будут волновать своей феноменальной исключительностью. Этот уникальный русский художник как бы весь соткан из противоречий. С одной стороны, он классически прост, удивительно целен, ясен; с другой – необычайно сложен, часто противоречив. Это делает его фигуру удивительно загадочной, а творчество до конца не познаваемым. Ощущение такое, что чем ближе мы «приближаемся» к нему, тем дальше оно «удаляется» от нас. Не случайно история изучения жизни и творчества Лермонтова изобилует столкновением противоположных взглядов, оценок, перманентно вспыхивающими полемиками, появлением время от времени новых концепций, версий, находок.

Естественно, что музыканты не могли пройти мимо наследия этого рано ушедшего гения, хотя интерес к нему был неравнозначен в разные периоды развития отечественного искусства. Наиболее плодотворной в этом плане (и в количественном и качественном отношении) была первая половина девятнадцатого века, связанная с романсами на стихи Лермонтова А. Даргомыжского и А. Варламова, а также и вторая, когда появились знаменитые романсы М. Балакирева «Песня Селима» и «Песня золотой рыбки», а также одна из лучших русских опер – «Демон» А.

Рубинштейна.

В двадцатом веке интерес к поэзии Лермонтова возрождается на рубеже тридцатых-сороковых годов, когда отмечалось столетие со дня гибели Пушкина и Лермонтова. Особенно широко отмечался пушкинский юбилей, когда было объявлено, что «Пушкин – наше все» и практически был сделан социальный заказ на воплощение его наследия в музыке. Каждый композитор должен был обратиться к его произведениям – появляются выдающиеся образцы советской вокальной лирики – циклы Г. Свиридова, Ю. Шапорина, Д.Шостаковича, Ю. Кочурова, В. Шебалина, А. Александрова и др. Празднование пушкинского юбилея в 1937 году несомненно положительно сказалось на всей русской музыкальной культуре. Благодаря государственному заказу произошло стимулирование творческой активности ряда композиторов.

Заметим, что при этом вместе с пушкинской поэзией в советский романс вошел и большой интонационный пласт глинканской эпохи – эпохи расцвета отечественного классического романса. Это не только обогатило палитру выразительных средств композиторов первой половины двадцатого века, но и во многом определило дальнейшие пути развития вокальных жанров – именно с середины тридцатых годов начинается период становления одновременно расцвета классического советского романса. И одним из

главных импульсов к его мощному развитию стало обращение к поэзии Пушкина, обусловленное широким празднованием юбилейной даты.

На фоне пушкинских торжеств гораздо более скромно отмечался юбилей Лермонтова (1941). Тем не менее, к творчеству поэта обращаются такие крупные мастера советского романа, как Н. Мясковский, Ю. Кочуров, а также Г. Свиридов – автор самого популярного и уникального пушкинского цикла. Пушкинский и лермонтовский циклы писались примерно в одно время, но существенно отличаются по стилистике, и судьба их складывается по-разному.

Вокальный цикл Свиридова «Восемь романсов на слова М.Ю. Лермонтова» появился в 1938 г. Первоначально их было семь, и посвящены они матери композитора: 1. «Парус»; 2. «Они любили друг друга»; 3. «Соседка»; 4. «Как небеса твой взор блистает»; 5. «Горные вершины спят во тьме ночной»; 6. «Она поет – и звуки тают»; 7. «Выхожу один я на дорогу». В первоначальном варианте рукопись цикла была только стеклографирована в 1938 г., полностью цикл так и не был издан. В 1939 г. романс «Соседка» опубликован в третьем номере журнала «Советская музыка», а в 1941-м - в годовщину столетия со дня смерти поэта, этот романс был издан Музгизом в сборнике «Романсы и песни советских композиторов на тексты М.Ю. Лермонтова». В том же 1941 г. вышло стеклографированное издание романса «Как небеса

твой взор блистает». И это все.

Романсы на слова Лермонтова сразу не стали широко популярными. Виной тому было военное время, на которое как раз и пришлось начало концертной жизни цикла. Но и сам цикл, по мнению композитора, был далек от совершенства. И вот в 1956 г. Свиридов вновь возвращается к циклу и переписывает его заново.

Во-первых, были изъяты два романса («Она поет – и звуки тают» и элегия «Выхожу один я на дорогу»). Вместо них появились два новых – «Силуэт» и «Портрет NN (Подражание Даргомыжскому)». Романс «Силуэт» свидетельствовал о поисках новых гармонических средств и использовании сложных ладовых образований, присущих Свиридову в 1956-1957 годы, после окончания работы над вокально-симфонической «Поэмой памяти Сергея Есенина». В это время многие композиторы напряженно искали свой путь и определялись в своем отношении к современным музыкальным направлениям. В романсе «Портрет NN», давая подзаголовок – «Подражание Даргомыжскому», Свиридов как бы декларирует свой выбор: «В то время, когда в прессе обсуждались вопросы новаторства, обновления музыкального языка, когда увлекались додекафонией, алеаторикой, слушали «Молоток без мастера Булеза и «Хиросиму» Пендерецкого, Свиридов сделал свой сознательный выбор и на своей хоругви написал имя великого русского композитора-

реалиста, искавшего правдивую музыкальную речь, точную, идущую от речевой, музыкальную интонацию».(1, 19-20)

Во-вторых, изменился порядок чередования романсов. Только два первых романа перешли из раннего цикла. Третьим стал романс «Как небеса твой взор блистает», поменявшийся местами с романсом «Соседка», который ушел на свое прежнее (пятое) место. «Силуэт» занял четвертое место, «Портрет NN» стал седьмым в цикле, где раньше был романс «Она поет – и звуки тают», а «Тучки небесные» заменили эту элегию.

И, наконец, в-третьих. Практически все ранние романсы, которые Свиридов предпочел оставить (за исключением «Они любили друг друга») подверглись решительной переработке. Изменения коснулись всех компонентов: мелодической линии голосов, гармонии, фактуры, исполнительских указаний. «Чувствуется, что произведения коснулась рука зрелого мастера. Романсы преобразились. В них зазвучала более рельефная, выразительная мелодия, логическими убедительными и безупречными по голосоведению стали последования аккордов. Наконец, расцвела и заиграла красками фактура. Появилось много разнообразных указаний, касающихся фразировки, артикуляции, динамики». (1, 19).

«Восемь романсов на слова М.Ю. Лермонтова» разнообразны по тематике, образности и по композиторскому

письму. Так романсы «Парус», «Горные вершины» и «Тучки небесные» носят изобразительный характер, в них отражается разное состояние природы – от морского простора, с переливами волн на солнце в ясную погоду, до бурных всплесков в ненастную; величия и неподвижности горных вершин до легкости, воздушности и непрерывности движения «тучек небесных». Романсы «Они любили друг друга», «Как небеса твой взор блистает», «Силуэт» и «Портрет NN» связаны с любовной тематикой, причем в каждом из них она имеет свои нюансы, свой колорит.

Несколько особняком стоит романс «Соседка», которой выделяется своей непосредственностью. В нем композитор вновь прибегает к стихии русского бытового романса, затронутой им еще в пушкинском цикле. Индивидуальность героини, ее страстность, «плутовство» передаются ритмо-интонациями бытового городского вальса.

Открывает цикл романс «Парус». Одно из лучших юношеских стихотворений написано Лермонтовым в 1832 г. Историю создания его находим в книге В.А. Мануйлова «Лермонтов в Петербурге». (См. 4) Приехавшему из Москвы в Петербург поступать в Университет юноше столица не понравилась: «Увы! Как скучен этот город с его туманом и водой». Да и первые впечатления о северном море не оправдали надежд поэта:

Я в его просторе
Великих дум не почерпнул.

Но спустя какое-то время после приезда, Лермонтов во время прогулки по берегу Финского залива был потрясен открывшейся взору картиной: белый парус на морском просторе в дымке золотого осеннего дня. В творческом сознании Лермонтова возникает один из самых выразительных образов, символизирующий его мятежные порывы, его стремление к свободе. Напечатанное после смерти поэта это стихотворение стало чрезвычайно популярно в обществе и до сих пор является олицетворением свободы, мятежности и неуспокоенности. Этот романтический опус Лермонтова не раз привлекал внимание композиторов. Самое известное его воплощение принадлежит А. Варламову. Его романс чрезвычайно прост по средствам выразительности, написан в жанре полонеза, в куплетной форме. Но яркий взлет мелодии в самом начале фразы сразу создает яркий, поразительно емкий и обобщенный образ.

Свиридов идет по другому пути. Его музыка детализирует текст, конкретизирует его. Она носит, в основном, изобразительный характер. Эта детализация достигается, прежде всего, за счет фортепианной фактуры. Здесь три ее типа. В начале широкие скачки в фортепианной партии во вступлении и в первом четверостишии романса рисуют образ бескрайней морской глади. На словах «Играют волны, ветер свищет» фактура меняется — появляются пассажи, изображая картину морского волнения, бури. В этой

части романса меняется и вокальная партия, из среднего регистра она перемещается в более высокий, а динамика с *piano* меняется на *forte*. В завершение романса вновь происходит смена фактуры. На словах «Под ним струя светлей лазури» на фоне выдержанного аккорда появляются восходящие пассажи, рисующие струи, «светлей лазури».

Разнообразен по фактуре и следующий романс – «Они любили друг друга». Стихотворение написано в 1841 г., в последний год жизни Лермонтова. Это вольный перевод из Г. Гейне «*Sieliebte sich beide*» из «Книги песен». Лермонтов изменил концовку стихотворения Гейне. У Гейне влюбленные не знают о смерти друг друга. У Лермонтова они встречаются в загробной жизни, но не узнают друг друга.

Романс написан в жанре элегии. В. Васина-Гроссман определяет жанр элегии следующим образом: «Это, прежде всего, особый тип музыкальной декламации, очень точно передающий все ритмические варианты поэтической метрики и при этом сохраняющий напевность и мелодическую гибкость. Партия фортепиано в элегиях обычно носит подчиненный характер, она – всего лишь фон для напевно-декламационной партии голоса». (5, 127) Это определение целиком относится и к этой миниатюре.

«Они любили друг друга» - самый «тихий романс цикла, почти целиком идущий на пианиссимо. Большая часть его написана в триольной фактуре, но также есть и иной

тип изложения: со слов «Они расстались в безмолвном и гордом молчании» триольность меняется на четкую метроритмическую организацию в виде аккордового сопровождения. В основном музыкальный язык произведения достаточно простой, однако есть и гармонически сложные места. Так во второй части романса, где говорится о расставании героев и полностью меняется фактура, композитор использует такие выразительные средства, как целотоновую гамму в вокальной мелодии и политональность в фортепианном сопровождении.

Признаки элегии имеют место и в третьем по счету романсе «Как небеса твой взор блистает». Это монолог-элегия. Темп *Allegromoderato*, сопровождение шестнадцатыми на разложенных аккордах, стремительный взлет мелодии вокальной партии свидетельствуют о восторженном настроении романса – «Как небеса твой взор блистает эмалью голубой, как поцелуй звучит и тает твой голос молодой!». Здесь явно ощущается восточный колорит - это касается, прежде всего, фортепианного вступления и последующих фортепианных эпизодов (ритурнелях, как их называл сам Свиридов).

В целом вокальная миниатюра выдержана в одном настроении и мелодическом тематизме. Этому единству способствует фактура, сохраняющаяся практически на протяжении всего романса. Перемена фактуры происходит

лишь в коде, когда герой вспоминает свою былую жизнь: «Но жизнью бранной и мятежной не тешусь я с тех пор». Здесь в вокальной партии появляется скачкообразное движение и пунктирный ритм, как отзвук «жизни бранной и мятежной». На миг он как бы задумывается, фактура сопровождения становится аккордовой, но снова врывается восторженность юности, очарованность образом милой и повторяется мелодический материал первой части («...Как услышал твой голос нежный и встретил милый взор»).

Самый короткий и скупой, аскетичный по фактуре романс «Силуэт». Стихотворение написано Лермонтовым в 1831 г. В фортепианном вступлении закладывается основное тематическое зерно произведения. На этой унисонной фразе потом основывается и вокальная партия. Романс написан сложным языком, выдержан в темных тонах, с неожиданными мелодическими и гармоническими оборотами. Здесь ощущается влияние современной музыки (возможно, его консерваторского педагога – Д. Д. Шостаковича), поиск новых средств выразительности.

Стихотворение «Соседка» Лермонтов написал в 1840 г. в орданнс-гаузе (ул. Садовая, 3), где он сидел под арестом за дуэль с де Барантом. Романс Свиридова на этот текст имеет двухчастную контрастную форму. «Композитор пошел здесь вперед и в использовании песенного жанра и формы. В небольшом романсе встречаются и речитатив, и собственно

песня, и эпизоды в духе ариозо или баллады. Куплет стал теперь сложнее, богаче, он включает в себе не один, как обычно, а несколько разных мелодических образов, причем третье проведение, в соответствии с драматическим смыслом текста, сильно отличается по музыке от первого». (2, 30) При смене тематического материала происходит и смена фактуры.

В первой части вокальная партия имеет сугубо декламационный характер, а точнее, представляет собой скандирование одинаковыми длительностями на одной высоте. Мелодия практически «стоит» на одной ноте. Однако, несмотря на это, а скорее благодаря этой речитации, она звучит очень выразительно, самобытно и, в то же время, просто.

Во второй части со слов «Не грусти, дорогая соседка», как и в стихотворении, так и в самом романсе меняется настроение с повествовательного, пассивно-созерцательного на активно-действенное, появляется уверенность в возможности вырваться из заточения – «Не грусти, дорогая соседка... Захоти лишь – отворится клетка, и, как божии птички, вдвоем мы в широкое поле порхнем». Эта часть более динамична и напряженна, благодаря тому, что две кульминационные зоны расположены именно в ней: первая приходится на слова «В широкое поле порхнем», генеральная кульминация на слова «Постараюсь я справится сам». Вокальная партия становится более развитой, усложняется

мелодический язык в ритмическом и интонационном плане; меняется и фактура фортепианной партии, которая уплотняется, становится более наполненной и напряженной.

Знаменитое стихотворение «Из Гете» (1840), легшее в основу романа «Горные вершины», представляет собой вольный перевод стихотворения И.-В. Гете «WanderersNachtlied» - «ночная песнь странника». Несмотря на то, что в стихотворении Гете-Лермонтова несомненно заложен философский смысл, в «Горных вершинах» Свиридова музыка носит изобразительный характер. Она передает прежде всего величие ночного пейзажа, полного «свежей мглой», она тиха, но торжественна, а поэтому отдых, о котором говорится в конце стихотворения, воспринимается как погружение в могучий покой вечной, неумирающей природы.

На протяжении всего романа в фортепианной партии звучат выдержанные аккорды целыми длительностями, и лишь в заключении произведения в сопровождении мелодия, как бы поднимаясь вверх «к вершинам», излагается четвертями.

Особое место в цикле занимает романс «Портрет NN» (Подражание Даргомыжскому). Интересен он уже тем, что сам автор указывает в названии произведения то музыкальное направление, которого он придерживался. Это не просто стилизация, либо случайное попадание в стиль

Даргомыжского, это осознанное, подчеркнутое следование традициям русской классики. В то же время в стилевом отношении это самый пестрый романс. Здесь можно выделить три раздела. Первый – «Она не гордой красотой прельщает юношей живых» выдержан в декламационной манере Даргомыжского; второй, посвященный описанию героини, начинается с порхающей фигуры у фортепиано из вступления («Однако все ее движенья, а слово скажет, все черты так полны чувства, выраженья, так полны чудной простоты»). Третий раздел – «И голос душу проникает» - самый развернутый, и по мелодии, и по фактуре сопровождения он напоминает некоторые романсы Чайковского.

Это лирико-драматический монолог. В основе фортепианного вступления – легкая, воздушная мелодия, которая, то взлетая вверх, то спускаясь, рисует образ героини романса. В первой части романса вокальная партия имеет несколько речитативный, повествовательный характер, звучит довольно сдержанно и спокойно. Герой еще не увлечен, он даже несколько отстраненно рассказывает о характере героини. Но вот снова прозвучала тема вступления, и со слов «Однако все ее движенья...» музыка постепенно приобретает взволнованный характер, исчезает речитативность, мелодия становится более выразительной, герой как будто все больше воодушевляется.

И вот в третьей части романса, где композитор делает

паметку – Conanima («с душой»), уже совершенно преображается мелодический рисунок. Вокальная партия становится лиричной и проникновенной, открывая истинные чувства героя. Обращает на себя внимание использование в романсе фортепианной фактуры, свойственной романсам Даргомыжского, а также преобладание декламационно - распетой мелодии, столь характерной для всего его творчества.

Завершает цикл романс «Тучки небесные». У Лермонтова, стихотворение, написанное в 1840 г. называется «Тучи». Опять обращаемся к монографии В. Мануйлова, где дается история его создания. Известный исследователь творчества поэта отмечает, что в последний вечер перед отъездом в ссылку Лермонтов пришел к Карамзиным – проститься с друзьями и далее приводит воспоминания В.А. Соллогуба: «Растроганный вниманием друзей к себе, поэт, стоя у окна и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невой... (Карамзины жили на Фонтанке напротив Летнего сада), написал стихотворение «Тучи»... Гости окружили поэта и просили прочесть только что написанное стихотворение. Он оглядел всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза его были влажны от слез». (См. 4). Тройка ждала Лермонтова у подъезда дома, он отправился в путь «с милого севера в сторону южную» прямо от Карамзиных.

Музыка этого романса имеет изобразительный характер. Обращает на себя внимание движение ровными длительностями в вокальной партии, а также постоянное движение шестнадцатыми в сопровождении, что способствует созданию образа вечно плывущих тучек. Это бесконечное движение музыки останавливается только однажды, когда звучит вопрос: «Кто же вас гонит: судьбы ли решение? Зависть ли тайная?», как бы проводя параллель между ними и собой. Заметим, что здесь Свиридов весьма свободно поступает с лермонтовским текстом. Он опускает вопрос «Злоба ль открытая?» и в то же время, прежде, чем перейти к ответу на эти вопросы – «Нет, вам наскучили нивы бесплодные», он еще раз вводит обращение: «Тучки небесные, вечные странники!», видимо, для того, чтобы опять привлечь внимание к основному образу, так как после этого в музыке опять начинается бесконечное движение воздушных масс по бескрайнему небу.

Думается, что это лучший романс цикла, и здесь мы солидаризируемся с А. Сохором, который отмечает, что «при переиздании лермонтовского цикла к пяти оставшимся романсам 1938 года прибавилось три, написанные в другие годы: «Силуэт», «Портрет NN. Подражание Даргомыжского» и «Тучки небесные». Лучшим из них представляется последний, выполненный хотя и в приглушенных тонах, но в широкой, обобщающей, можно сказать, эпической манере, с

последовательным сопоставлением нескольких образов, из которых преобладающее значение приобретает образ бескрайнего простора, поглощающего в себе «страсти и страдания» людей». (2, 30-31)

В целом, «Восемь романсов на слова М. Ю. Лермонтова», написанные в 50-е годы, фактически представляют собой не вторую редакцию вокального цикла, созданного в 30-е годы, а новый цикл, в котором нашла отражение стилистика русского романса, сформировавшаяся в этом жанре в середине двадцатого века. Это произведение, в основном, было обласкано критикой. Известный исследователь свиридовского творчества А. Сохор, давая оценку лермонтовскому циклу и сравнивая его с пушкинским композитора, написанным на три года ранее, считает, что лермонтовский «по разнообразию приемов, по сложности композиции, гармонии, фактуры...несомненно выше пушкинского». (2, 28) Правда речь здесь идет лишь о техническом преимуществе «Восьми романсов». Далее критик отмечает, что «непосредственности в нем цикле значительно меньше (чем в пушкинском – Л.С.). Поэтому меньше в нем и своеобразия. И, несмотря на техническую слаженность, он скорее, чем пушкинский, может быть назван ученической работой». (2, 29)

Высоко оценивает «Восемь романсов» и крупный исследователь отечественного романса В. Васина-Гроссман:

«Среди лермонтовских романсов молодого поколения следует отметить цикл Юрия Свиридова и, особенно, романсы «Они любили друг друга», «Соседка», «Горные вершины». (3, 228)

Думается, что истинная сущность таланта Свиридова, его эстетические идеалы и кредо были заявлены уже в пушкинском цикле. Простота, открытость, жанровость, песенность для него более органичны, чем та стилистика, которая сложилась в русском романсе 50-х годов, когда он вернулся к лермонтовскому циклу. Отход от своей сущности, как оказалось, был чреват – об этом свидетельствует исполнительская судьба «Восьми романсов». «Такая судьба второго цикла Свиридова очень показательна. Написанный на более высоком техническом уровне, чем первый (пушкинский – Л.С.), он, тем не менее, потребовал переработки, тогда как наивные, казалось бы, пушкинские романсы не вызывали такой необходимости. Видимо, там Свиридов был больше «самим собой», чем в позднейших лермонтовских». (2, 30) Тем не менее лермонтовский цикл композитора стал определенной вехой не только в творчестве музыканта, но и в развитии жанра русского романса двадцатого века.

Литература.

1. Свиридов Георгий. Полное собрание сочинений. Центр по изучению творческого наследия Г. Свиридова. Ред. и автор вст. статьи А. Белоненко. М.- СПб.-2003.
2. Сохор А.Н. Георгий Свиридов. М. -1964.

3. Васина-Гроссман В.А. Романс и песня. Очерки советского музыкального творчества. Т.1. М.-1947.
4. Мануйлов В.А. Лермонтов в Петербурге. Л.-1964.
5. Васина-Гроссман В.А. Мастера советского романса. М.-1968.

Д. Ю. Мурашов

Лермонтов в Лермонтовке.

Сочинения поэта в пензенской общественной библиотеке
его имени на рубеже XIX-XX веков

Живым памятником Лермонтову называли современники общественную библиотеку его имени, открывшуюся в Пензе 1 октября (ст. ст.) 1892 г.⁴⁰ В России тех лет именные библиотеки не были новшеством. В честь знаменитых писателей и общественных деятелей они открывались практически повсеместно. Больше всего было библиотек пушкинских, гоголевских, а вот лермонтовская, появившаяся в Пензе, была первой библиотекой имени великого поэта в России.

Среди произведений русских классиков, находившихся в фонде пензенской лермонтовской общественной библиотеки на рубеже XIX-XX вв., произведения самого М.Ю. Лермонтова заметно уступали по читательской популярности сочинениям Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева. В революционные 1905-1906 гг., к примеру, сочинения Л.Н. Толстого выдавались

читателям библиотеки 665 раз, Ф.М. Достоевского 230 раз, И.С. Тургенева 315 раз, Н.В. Гоголя 61 раз, а М.Ю. Лермонтова – 44 раза. Больше лермонтовских были востребованы произведения А.П. Чехова (187) и А.М. Горького (219)⁴¹.

В тоже время, обращаемость (степень использования) лермонтовского фонда библиотеки была вполне конкурентоспособной в сравнении с обращаемостью фондов других писателей-классиков. В 1905-1906 гг. обращаемость книг Н.В. Гоголя была 0,9; И.С. Тургенева 3,75; Ф.М. Достоевского 2,8; Л.Н. Толстого 6,5. Сочинений М.Ю. Лермонтова – 2,3⁴².

Систематический каталог книг и брошюр, выпускаемый общественной лермонтовской библиотекой, позволяет определить перечень изданий Лермонтова, находившихся в фонде библиотеки. Это 1) полные собрания сочинений М.Ю. Лермонтова в двух томах, изданные под редакцией П.А. Ефремова в 1882 и 1887 гг. (5 и 6 издания соответственно); 2) полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова в четырех томах под редакцией А. М. Скабичевского (1891г.); 3) полное собрание сочинений Лермонтова в одном томе под редакцией А.М. Скабичевского (издание Ф. Ф. Павленкова, 1891г.); 4) полное собрание сочинений Лермонтова в 30-ти брошюрах (в одной папке) издание Ф.Ф. Павленкова (1891г.); 5) сочинения Лермонтова в трех томах под редакцией П.В. Быкова

(1891г.)⁴³. Данные издания были в фонде библиотеки с момента ее открытия. В 1910 - 1913 гг. библиотека приобрела полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова в серии «Академическая библиотека русских писателей» (т. 1-5) под редакцией известного филолога Д.И. Абрамовича⁴⁴.

Сочинения М. Ю. Лермонтова продавались и в книжных магазинах Пензы. Каталог одного из них, В.Н. Алексеева, что находился на базарной площади города, показывает наличие в продаже полного собрания сочинения Лермонтова в двух томах, вероятно, издания П.А. Ефремова, и отдельного издания «Песни про купца Калашникова» (серия «русские писатели в класс»)⁴⁵.

Отчеты пензенской общественной библиотеки имени Лермонтова позволяют установить востребованность лермонтовских сочинений в период с 1893 по 1910 гг., отталкиваясь от показателей обращаемости фонда его сочинений. (См. таблицу 1, с. 171).

Как видно, обращаемость фонда сочинений М.Ю. Лермонтова была высокой (в среднем 2,4). Если рассчитать коэффициент соответствия фонда сочинений Лермонтова к общему фонду словесности, используя современные методы математического моделирования, то и в этом случае коэффициент соответствия окажется высоким (1,1 за 1905-1906 гг.), что свидетельствует об активности использования фонда⁴⁶. В тоже время, согласно отчетам библиотеки, в ней

были и «нулевые» годы выдачи произведений М.Ю. Лермонтова (1893, 1902-1903). Объяснить их достаточно трудно. Возможно, это связано с какой-то ошибкой при формировании отчетности, хотя вполне возможны и другие варианты объяснения этого феномена.

Структурным подразделением общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова была народная библиотека-читальня имени В.Г. Белинского. Ее посещение было бесплатным. Именно с этим, скорее всего, связана и большая, чем в платной лермонтовской общественной библиотеке, читаемость произведений М.Ю. Лермонтова. (См. таблицу 2, с. 171).

К сожалению, из-за отсутствия сведений о количестве книг с произведениями М.Ю. Лермонтова в народной библиотеке-читальне имени В.Г. Белинского в 1898-1910 гг. установить обращаемость ее лермонтовского фонда за этот период времени не представляется возможным. В наличие есть только данные за 1895-1896 гг. Тогда в библиотеке-читальне было 6 книг Лермонтова⁴⁷. Эти сведения отчасти могут быть распространены на следующие 1896-1897 гг. В этом случае обращаемость лермонтовского фонда в 1895-1896 гг. была 7,5, а в 1896-1897 гг. 40,5, что свидетельствует о колоссальной востребованности фонда.

Главными читателями М.Ю. Лермонтова в библиотеке-читальне (как и в общественной библиотеке) были

школьники, что связано с невысоким уровнем грамотности жителей Пензы. Из 243 лиц, взявших сочинения великого поэта в 1896-1897 гг. 163 (67%) были учащимися⁴⁸. На втором месте были лица свободных профессий (21 или 8,7%). На третьем – занимающиеся домашним хозяйством (20 или 8,2%). Рабочие брали произведения Лермонтова 9 раз, служащие правительственных и частных учреждений – 5, ремесленники – 3, торговцы и приказчики – 4.

Возможно, объяснение этому содержится в словах председателя правления Лермонтовской библиотеки К.Р. Евграфова, рассказавшим в 1896 г. читателям библиотеки о своем восприятии поэта: «С детства каждый из нас знает имя Лермонтова, его лучшие произведения. Припомните те чудные мгновения вашей молодости, когда его могучий поэтический гений отрывал вас от будничных мелочей, от прозы жизни, «где нет ни истинного счастья, ни наслаждения, ни любви» и уносил в сферы, где горизонт шире, воздух чище и прозрачнее, где дышится легче и видно яснее. Сколько раз, благодаря ему, ваше сердце билось сильнее; вы мыслили и чувствовали ярче и полнее, жили и ощущали полноту жизни. А полнота жизни – есть само счастье. Одна гармония его стиха, звучного и словно выкованного из благородного металла, сколько дивных минут давала она нам, минут высокого эстетического наслаждения и удовлетворения. Теперь, когда голова серебрится сединой, может быть, наше

сердце уже не забьется сильнее от его вдохновенных созданий; быть может, не очарует уже наш притупившийся слух гармония его стиха, - но зрелость ума ясно представляет нам его историческое значение в русской литературе, его влияние на умственную жизнь нашей страны – и седые головы почтительно склоняются, но уже не перед кумиром своей юности, а перед одним из лучших сынов и слуг родины...»⁴⁹

Итак, с самого начала работы Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, среди ее посетителей сложился круг постоянных читателей произведений поэта. Конечно, он значительно уступал аудитории, бравшей в библиотеке сочинения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. М. Горького. Но здесь количественные сравнения вряд ли уместны. Произведения М. Ю. Лермонтова, находившиеся в библиотеке, пользовались устойчивым спросом читателей. И правление библиотеки это стремление постоянно поддерживало путем приобретения выходивших в печать лучших изданий М. Ю. Лермонтова.

1Ростопчина, Е.П. Счастливая женщина [Текст] / Евдокия Ростопчина // Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., вступ. ст., и коммент. А.М. Ранчина. – М., 1991. – С. 24.

2Там же.

3Ростопчина, Е.П. Из письма к Александру Дюма [Текст] / Е.П. Ростопчина // Лермонтов, М.Ю. в воспоминаниях современников [Текст] / сост. подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер; вступ. ст. Гиллельсона. – М., 1989. – С. 364.

4Там же, с. 360.

5Лермонтов, М.Ю. «Я верю: под одной звездой...» [Текст] / М.Ю.

Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4-х т. : Т. 1. – М., 1983. – С. 74-75.

6 Левагина, С.Н. «На светские цепи...». М.Ю. Лермонтов и Н.Ф. Павлов – некоторые итоги литературной полемики [Текст] / С.Н. Левагина // Мир Лермонтова: материалы третьих Лермонтовских чтений 14 октября 2002 г. / сост. Л.В. Мельникова. – Ярославль, 2003. – С. 46-56.

7 Лермонтов, М.Ю. Завещание [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Указ. соч., с. 69.

8 Лермонтов, М.Ю. Додо [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Указ. соч., с. 295.

9 Лермонтов, М.Ю. Парус [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Указ. соч., с. 272.

10 Ростопчина и в капкане своей смертельной болезни остаётся женщиной: не может она написать Александру Дюма, что почти на три года старше Лермонтова. – С.Л.

11 Ростопчина, Е.П. Из письма к Александру Дюма [Текст] / Е.П. Ростопчина // Лермонтов, М.Ю. в воспоминаниях современников [Текст] / сост, подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер; вступ. ст. Гиллельсона. – М., 1989. – С. 358-359.

12 Афанасьев, В. «Да, женская душа должна в тени светиться...» [Текст] / В. Афанасьев // Ростопчина Е.П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Е.П. Ростопчина; подгот. текста, вступ. ст., сост. и примеч. В. Афанасьева. – М., 1987. – С.5.

13 «Тогда уже стихи молодой Сушковой, передаваемые её подругами, ходили из рук в руки» (Н.В. Путята, 1865). Цит. по: Путята, Н.В. О графине Ростопчиной [Текст] / Н.В. Путята // Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., вступ. ст., и коммент. А.М. Ранчина. – М., 1991. – С. 415.

14 Мать поэтессы, Дарья Ивановна Сушкова (урождённая Пашкова), рано оставила её сиротой: умерла вскоре после рождения младшего сына Дмитрия в 1817 году от чахотки. Братья Евдокии, Сергей и Дмитрий, были взяты отцом к месту его службы в Оренбург, а девочка оставлена до замужества в семье деда, Ивана Александровича Пашкова, и проживала в «Пашковом доме» работы знаменитого Растрелли – здании будущего Румянцевского музея, а затем ГБЛ (ныне Российская государственная библиотека).

15 Ростопчина, Л. Семейная хроника (фрагменты) [Текст] / Лидия Ростопчина // Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., вступ. ст., и коммент. А.М. Ранчина. – М., 1991. – С. 406.

16 Лермонтов, М.Ю. Крест на скале [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Указ. соч., с. 284.

17 Андроников, И.Л. Образ поэта / И.Л. Андроников // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т.: Т. 1. – М., 1983. – С. 395.

18 Ростопчина, Л. Семейная хроника (фрагменты) [Текст] / Лидия Ростопчина // Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. Литературные

- сочинения / сост., вступ. ст., и коммент. А.М. Ранчина. – М., 1991. – С. 412.
- 19Ходанен, Л.А. Раич / Л.А. Ходанен // Русские писатели, XIX век: биобиблиогр. словарь в 2-х ч.: Ч. 2 / под ред. П.А. Николаева. – М., 1996. – С. 194.
- 20Цит. по: Дебольская, Н.Г. Наставник Тютчева и Лермонтова – Семён Егорович Раич / Н.Г. Дебольская // «Я жил века...»: материалы пятых Лермонтовских чтений. 15-16 октября 2004 г. / Центральная б-ка им. М.Ю. Лермонтова; ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2004. – С. 60.
- 21Там же, с. 65.
- 22Мурьянов, М.Ф. Раич / М.Ф. Мурьянов // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. – М., 1981. – С. 461.
- 23Там же.
- 24Ходанен, Л.А. Указ. соч., с. 195.
- 25Ростопчина, Е.П. Счастливая женщина [Текст] / Евдокия Ростопчина // Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., вступ. ст., и коммент. А.М. Ранчина. – М., 1991. – С. 24-25.
- 26Там же, с. 24.
- 27Ходасевич, В. Графиня Е.П. Ростопчина. Её жизнь и лирика / Владислав Ходасевич // Е.П. Ростопчина. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., вступ. ст., и коммент. А.М. Ранчина. – М., 1991. – С. 425.
- 28Ростопчина, Е.П. Пустой альбом / Е.П. Ростопчина [Текст] / Ростопчина, Е.П. Стихотворения. Проза. Письма /сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. – М., 1986. – С. 154 -156.
- 29Нет, тридцать лет; моя мать родилась 23 декабря 1811 г. (Примеч. Л. Ростопчиной).
- 30Ростопчина, Л. Указ. соч., с. 404.
- 31Афанасьев, В. Указ. соч., с. 6 -7.
- 32Ростопчина, Е.П. Как должны писать женщины [Текст] / Е.П. Ростопчина // Ростопчина Е.П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Е.П. Ростопчина; подгот. текста, вступ. ст., сост. и примеч. В. Афанасьева. – М., 1987. – С.76.
- 33Ростопчина, Е.П. <Письма Александру Дюма> [Текст] // Ростопчина, Е.П. Стихотворения. Проза. Письма /сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. – М., 1986. – С. 390.
- 34Ростопчина, Е.П. Пустой альбом [Текст] / Е.П. Ростопчина / Ростопчина, Е.П. Стихотворения. Проза. Письма /сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. – М., 1986. – С. 154 -155.
- 35Ростопчина, Е.П. <Письма к Александру Дюма> [Текст] / Е.П. Ростопчина / Ростопчина, Е.П. Стихотворения. Проза. Письма /сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. – М., 1986. – С. 390.
- 36«Мы ужинали втроем, за маленьким столом, он и ещё другой друг, который тоже погиб насильственной смертью в последнюю войну» (Речь, видимо, идёт об Андрее Николаевиче Карамзине (1814 – 1854) – примеч.

Б. Романова).

Цит. по: Ростопчина, Е.П. <Письма Александру Дюма> [Текст] / Е.П. Ростопчина / Ростопчина, Е.П. Стихотворения. Проза. Письма /сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Романова. – М., 1986. – С. 391, 436.

37Ростопчина, Е.П. На дорогу! Там же, с. 143.

38Гиллельсон, М.И. Указ. соч., с. 477.

39Лермонтов, М.Ю. «Я верю: под одной звездой...» [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Указ. соч., с. 74 - 75.

40Пензенские губернские ведомости. 1892. № 200. С.3.

41Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1905-1906 гг.) Пенза, 1907. С. 47-51

42Обращаемость (степень использования) фонда – это отношение книговыдачи к объему библиотечного фонда. Рассчитано по: Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1905-1906 гг.). С. 47-49.

43Систематический каталог книг и брошюр Пензенской общественной библиотеки. Пенза, 1894. С. 215-216

44Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1910-1911). Пенза, 1911. С. 24; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1911-1912). Пенза, 1913. С. 22; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1912-1913). Пенза, 1914. С. 25.

45Каталог книжного магазина В.Н. Алексеева в Пензе. Пенза, 1887. С. 30,47.

46Расчет производился по формуле: $K_c = K_{исп} / K_{ук}$, где K_c — коэффициент соответствия, $K_{исп}$ — коэффициент использования, $K_{ук}$ — коэффициент укомплектованности.

Коэффициент использования лермонтовского фонда (1905-1906 гг.) 0,25; коэффициент укомплектованности – 0,23. Цифровые показатели рассчитаны по: Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1905-1906 гг.). Пенза, 1905.

47Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1895-1896). Пенза, 1897. С. 10-11

48Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1896-1897). Пенза, 1898. С. 66-67.

49Речь, произнесенная К.Р. Евграфовым по случаю годовщины открытия пензенской общественной библиотеки М.Ю. Лермонтова. Отдельный оттиск. Хранится в ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова». С. 2-3.

Библиография.

¹ Пензенские губернские ведомости. 1892. № 200. С.3.

² Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова

(1905-1906 гг.) Пенза, 1907. С. 47-51

³ Обращаемость (степень использования) фонда – это отношение книговыдачи к объему библиотечного фонда. Рассчитано по: Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1905-1906 гг.). С. 47-49.

⁴ Систематический каталог книг и брошюр Пензенской общественной библиотеки. Пенза, 1894. С. 215-216

⁵ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1910-1911). Пенза, 1911. С. 24; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1911-1912). Пенза, 1913. С. 22; Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1912-1913). Пенза, 1914. С. 25.

⁶ Каталог книжного магазина В.Н. Алексеева в Пензе. Пенза, 1887. С. 30,47.

⁷ Расчет производился по формуле: $K_c = K_{исп} / K_{ук}$, где K_c — коэффициент соответствия, $K_{исп}$ — коэффициент использования, $K_{ук}$ — коэффициент укомплектованности. Коэффициент использования лермонтовского фонда (1905-1906 гг.) 0,25; коэффициент укомплектованности – 0,23. Цифровые показатели рассчитаны по: Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1905-1906 гг.). Пенза, 1905.

⁸ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1895-1896). Пенза, 1897. С. 10-11

⁹ Отчет Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (1896-1897). Пенза, 1898. С. 66-67.

¹⁰ Речь, произнесенная К.Р. Евграфовым по случаю годовщины открытия пензенской общественной библиотеки М.Ю. Лермонтова. Отдельный оттиск. Хранится в ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова». С. 2-3.

«Ах, маскарад, маскарад...»

История Бала-Маскарада Лермонтовской поры
в Центральной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова
города Ярославля

2009, 2010, 2011... Эти три ярких года стали определяющими и знаковыми для нашей библиотеки. В канун или в день рождения (15 октября) великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова наша библиотека проводит маскарад. И случилось это историческое событие на рабочем совещании при обсуждении проведения мероприятий первых Лермонтовских Дней в Ярославле по инициативе директора Централизованной библиотечной системы города Ярославля Светланы Юрьевны Ахметдиновой. Методист Антонина Александровна Герасимова предложила провести Маскарад. Единодушно была поддержана форма «Бал-Маскарад Лермонтовской поры» - вариант нашего директора. А участники рабочей группы уже фонтонировали разными идеями по проведению этого абсолютно нового для нас культурного мероприятия. И теперь ежегодно кружит всех желающих Лермонтовский Бал. Наш осенний маскарад становится доброй традицией и даже культурным брендом Ярославля. Он является

кульминацией Лермонтовский чтений как праздник души после научных трудов. Наш маскарад, согласно исконной традиции, брал свой старт вечером в 19.00 и заканчивался в 22.00 праздничным шествием литературных героев и фейерверком.

Атмосфера любого маскарада – это легкая музыка, веселье, танцы, флирт и непринужденное общение с элементами интриги и загадки. В нашем маскараде мы постарались соблюдать бальный этикет XIX века и привнести нечто новое и современное. Творческой командой сотрудников Центральной библиотеки имени Лермонтова был написан первый сценарий маскарада и придуманы различные интерактивные площадки. Наши гости очень творчески подошли к этому мероприятию и создали себе костюмы, абсолютно разные и непредсказуемые. Хитом маскарада уже три года являются фасоны костюмов и шляп от Татьяны Эрастовны Кадочкиной, цыганские мотивы потомственной гадалки Виктории Валерьяновны Базаленко, образ мужественного джигита Александра Ивановича Рюмина и многих, многих других. Можно тут вспомнить и роскошный буфет для отдыхающих или выставка-прокат старинных костюмов, творчески продуманная и обыгранная отделом обработки.

Несомненным атрибутом маскарада были: калейдоскопная с виртуальной экскурсией по библиотеке,

Лермонтовский кинозал, фотосалон, костюмерная, прокат масок и дамских шляпок, древо желаний и напутствий, литературное гадание, буфетная, бальная зала со скамейкой для влюбленных. Творческому оформлению бального зала и фасада библиотеки мы обязаны прекрасным рисункам художницы Ирины Евгеньевны Шуклиной, аксессуарам Галины Борисовны Славкиной и пространственному оформлению Лермонтовского сада Людмиле Александровне Ждановой.

На протяжении трех лет сложились дружественные связи с творческими коллективами, без которых не обходится ни один маскарад. Это детская хоровая школа «Канцона» (неизменный участник и руководитель хора Виктор Дмитриевич Минаков), Клуб исторической реконструкции и ролевого взаимодействия «Зазеркалье» (руководитель Елена Григорьевна Стратилова) с интереснейшими бальными выступлениями, мастер-классами и бальными играми. Именно благодаря клубу «Зазеркалье» наши гости по-настоящему чувствуют атмосферу бала первой половины 19 века. Каждый год в сценарий маскарада добавляется какая-нибудь изюминка, оригинальный номер, связанный жизнью и творчеством Михаил Юрьевича Лермонтова и его эпохой.

Так, например, в 2009 году гости маскарада стали свидетелями любовных сценок из жизни светского общества. В 2010 году, в юбилейный год 55-летия Лермонтовки, нас

посетил сам поэт Михаил Юрьевич и общался с Хранителем библиотеки. А в 2011 перед нами развернулась драматичная бальная жизнь из провинциального городка Романово-Борисоглебска. Так как родословная Михаила Юрьевича ведет свое начало от туманной Шотландии, то исполнение шотландского танца участницей клуба «Зазеркалье» было весьма актуальным. И, несомненно, порадовал участников маскарада «Танец Бэлы», в исполнении студентки театрального института Дарьи Охняковой. И наконец, поэтический турнир – венец и кульминация маскарада. Этот турнир в полной мере раскрыл весь талант наших гостей. Каждый год растет число желающих в нем участвовать. А творческим продолжением традиций Бала-маскарада стала БИБЛИОНОЧЬ, проведенная в апреле 2011 года в рамках всероссийской акции и вызвавшая большой интерес. Но это уже другая история.....

Приложение.

Истоки маскарада

Древняя Греция знала шумные и веселые праздники в честь Диониса – дионисии. Они сопровождались маскарадными шествиями (комос) с пением, музыкой, плясками, украшались нарядно убранными, установками. Впереди их находился главный потешный «корабль» праздничного шествия, который древнеримские авторы называют «*scagus navalis*» т.е. «морская колесница». На нем, как правило, располагалась костюмированная группа. В архаических культурах на покойников одевали маски, чтобы когда он встретиться во время пути в загробный мир с духами они не смогли бы причинить ему вреда. Этот ритуал культивировался и в более поздний период.

В средневековой Европе карнавал как театрализованное шествие с играми, инсценировками, забавами и фейерверками, маскированием участников праздника прочно вошел в праздничную культуру романских народов и наиболее точно и наиболее точно проявил свою сущность во время проводов зимы – весеннего народного праздника. Особое внимание уделялось искусству декоративного костюмирования. Переодеваясь в чужой костюм, в одежду странную, нарушающую норму, человек нарушал определенную табуированную норму и выходил за границу обыденного, бытового мира в сферу нарушения запретов, пародии а то и вовсе вступал во взаимоотношения с потусторонними силами.

Карнавалы в России – явление дуалистического (двойственного) порядка: с одной стороны, они оказались заимствованными из опыта европейской карнавалы культуры, с другой – имели свои крепкие национальные корни в народной праздничной культуре, хранящей опыт организации театралыно-зрелищных языческих и христианских праздничных шествий, непременными атрибутами которых являлись маски и переодевания. Карнавалы маска и костюм – не просто сокрытие лица личиной, «харей», «рожей». Их цель заключалась не столько в том, чтобы обмануть зрителя, сделать исполнителя неузнаваемым, а в том, чтобы нести определенную информацию, порой через миф, легенду и утопию прошлого иносказательно раскрывать смысл бытия, жизни и смерти, свободы и бессмертия духа.

Как и любой праздник, карнавал прежде всего проблема человека, человеческого бытия, поведения, общения. В процессе общения осуществляется своеобразный синтез жизни и искусства. Карнавалы костюм и маска помогали приобрести свободу действия, стать непосредственным и неузнаваемым, являться инкогнито в межличностном и где-то и безличностном общении. В маске можно было вести себя вольно и даже вызывающе, забыв светские условности. Маска характеризовала святейшее право участника маскарада быть неузнаваемым. Некоторые пользовались этим и на маскарадах сводили

счета со своими недругами.

Подтверждение этому можно найти в поэме М. Ю.Лермонтова «Маскарад»:

Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет,- есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

Кроме того, была сделана видеосъемка наиболее интересных фрагментов трёх маскарадов.

Немного о маскарадной традиции

В России маскарадная традиция получила культурный импульс с реформами Императора Петра 1. Маскарады проходили в форме уличных шествий. При Екатерине II все еще существовала такая форма маскарадов, как уличное шествие, однако, маскарады постепенно стали терять всенародность, подвергались «бытовизации» и стали превращаться в обозреваемое зрелище с преобладаниями зрителей над исполнителями – участниками. Тем самым подчеркивались сословные различия общества. Если рассматривать маскарады дальше, то в XIX веке общественные маскарады практически сошли на нет, появилась такая форма, как балы-маскарады, которые проводились в частных домах дворян.

XIX век

Столичному обществу маскарады начали нравиться и наряду с общественными стали появляться множество маскарадов, устраиваемых в частных домах. В царствование Императора Николая I маскарады стали более регламентированным удовольствием и на их проведение надо было получать особую " привилегию", которую и получил в 1829 году отставной полковник Василий Васильевич Энгельгардт, построивший на Невском проспекте в Петербурге большой дом, который он начал сдавать под общественные и увеселительные мероприятия.

После открытия в доме у Энгельгардта маскарадов один из журналистов, хотя и в рекламных целях писал: " Вот храм вкуса, храм великолепия,

открыт для публики! Все что выдумала роскошь, что приобрела утонченность общежития соединено здесь. Тысячи свеч горят в богатых бронзовых люстрах и отражаются в зеркалах, в мраморах и паркетах. Отличная музыка гремит в обширных залах..." В маскарад у Энгельгардта мог прийти любой желающий, заплативший за билет. Поэтому на нем присутствовали как представители высшего света, так и достаточно широкой части городских слоев, что также вносило в стиль общения определенную долю вольности.

Психологической основой любого публичного маскарада, особенно в котором присутствовали люди разных социальных слоев, была невозможность понять, как вести себя с переодетым собеседником, потому что всякое общение чревато непредсказуемостью и сюрпризами. "Маскарад, как известно свет наизнанку. Мужчины скромничают и порой даже краснеют. Женщины бегают за мужчинами, шепчут любовные признания, назначают свидания, упрекают в ветрености" писал современник.

Если в обыденной жизни одевание чужого костюма не соответствующего социальному статусу выглядел почти что оскорбительно. то для Маскарада это переодевание законно, дававшее возможность побыв в одежде другого человека, забыть о собственной социальной роли. Участники маскарада имели негласную свободу вести себя экстравагантно и совершать поступки никак не соответствующие светскому кодексу поведения. Здесь можно было интриговать и дразнить. завлекать и шутить не рискуя ни своим именем, ни своей репутацией, потому что время Маскарада ограничено вечером, а пространство границами дома. Несмотря на то, что в залах маскарада звучит музыка, это скорее фон, чем танцевальные мелодии. В маскараде танцевали немного. главным же занятием участников было общение и интрига.

Маскарадные одежды

Цветовая палитра карнавального оформления являлась важнейшим стимулятором эмоционально-психологического состояния участников

зрелищ. Здесь сталкивались цветовые предпочтения исторического опыта и государственная цветовая разрядка, стилистика времени и наимоднейшие увлечения. Но чаще всего побеждало многоцветье народной колористики – дикое, звонкое, эмоционально-напряженное, природно-языческое.

Постоянно ощущалось, однако, и цветовое «чутье» конкретного исторического времени. Например, начиная с петровской эпохи и на протяжении всего изучаемого столетия, излюбленными цветами оставались «песошный», оттенки красного (алый, бордо, малиновый, «гвоздишный», «бруснишный», «вишневый»), использовались к тому же самые невероятные сочетания на грани вседозволенности: сталкивались цвета испанские («шпанские»), французские, «новоманерные» – «шведские» и берлинские. Это привнесло на многие десятилетия в красочный калейдоскоп карнавализации удивительно яркие и звонкие пунцовые, васильковые, зеленые, черные, желтые тона. Однако свобода свободой, но часто действовали и обязательные к исполнению неукоснительные предписания. Исключения составляли требования к цвету одеяний Времени (только черное), Тщеславия (обязательно зеленое). Черным обозначались также Грех, Зависть, Несправедливость. Ангелы должны были быть одетыми в белое, Ирод – в пурпур, Иуду сопровождало зеленое знамя – символ неверности и предательства. Отечественный карнавальным костюм очень много воспринял от опыта народной праздничной одежды с ее разнообразием оттенков красного, светло-голубого, зеленого, пестрого, белого, взрываемых вставками народного многоцветья.

Маскарадно-карнавальные традиции все же сохранились в нашей жизни, хотя они и изменили свою форму почти до неузнаваемости. Маскарады проявляются в форме костюмированных вечеров, как например, в ЦБ им. Лермонтова.

Поэзия Маскарадной Ночи или итоги поэтического турнира
«Меня узнаешь ты в других». Вот некоторые примеры:

Станешь целый день молиться,
По ночам гадать.
Верь родная, все случится,
Надо только ждать.

Я вижу лик полуоткрытый
Напротив взгляд полужакрытый
Свистит мотив полузабытый
Ушастый милый домовый
Наверное, пора домой...

К чужим горам, под небо юга
Ты удалишься, может быть,
И встретишь ты, конечно, друга,
И будешь век его любить.

Литература.

1. Бахтин М.М. Творчество Ф.Рабле и народная культура средневековья и эпохи Возрождения. - М., 1990.
2. Киреева Е.В. История костюма. Европейский костюм от античности до XX в. – М., 1976.
3. Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры 18 в. - М., 1987.
4. Рябцев Ю.С. История русской культуры 18-19 вв. - М.: Владос, 1997.
5. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни первой половины 18 в. – Ленинград, 1982.

**Клуб «Парус» в музее школы № 41
им. М. Ю. Лермонтова города Липецка**

<http://sc41lipetsk.ucoz.ru/index/0-6>

Мне нужно действовать.
Я каждый день
Бессмертным сделать бы желал,

Как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

Эти строки стихотворения М. Ю. Лермонтова стали девизом ребят из Лермонтовского клуба "Парус", который в наши дни является школьным литературным музеем. А начиналось все так.

Шел 1964 год – год 150-летия со дня рождения Великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. В Липецкой школе № 41, что находится на окраине города и еще ничем не отличается от других, было решено широко отметить эту дату. Ребята из литературного драмкружка и их руководитель Алла Матвеевна Шаталова очень активно принялись за работу: изучали биографию поэта, читали его произведения, собирали публикации газет и журналов...

Весь юбилейный год проходили конкурсы на лучшее исполнение стихотворений, на лучшее сочинение, на лучший рисунок к произведениям поэта. Завершилось все это большим праздником с выставкой работ и показом литературно-музыкальной композиции "Он грудью шел вперед, он жертвовал собой". Этот год на всю жизнь остался в памяти ребят, он сплотил их, укрепил дружбу с учительницей. Алла Матвеевна уверена в том, что самое главное в воспитании – это поклонение мудрости и красоте, что литература – "поле нравственной борьбы". Беспримерная влюбленность педагога в творчество и личность М. Ю.

Лермонтова пробудила интерес и у детей.

Судьба поэта стала столь близка школьникам, что родилась общая мечта: летняя поездка в Тарханы (ныне село Лермонтово), где прошло детство поэта. Тогда и решили создать более прочное, постоянное объединение – лермонтовский клуб. Так драмкружок стал клубом, организацией романтической и солидной. Имя клуба было выбрано гордое "Парус". Объявили прием. В назначенное время пришло около 100 человек, из их числа и выросло в будущем второе поколение клуба. Первым поколением, "старичками" клуба стали участники лермонтовских торжеств, которые в то время были уже в 9 классе.

В летние каникулы сорок липецких школьников оказались в Тарханах, где шли реставрационные работы и ощущалась острая нехватка рабочих рук. "Парусники" с готовностью предложили свои услуги: они разгружали и укладывали кирпич, предназначенный для реставрации мемориальных зданий и хозяйственных построек. Уже через несколько дней липецкие ребята стали своими людьми в музее, им охотно показывали то, что не предусмотрено в обычных экскурсиях.

Освоившись, ребята решили предложить вниманию жителей села и сотрудникам музея подготовленную еще в Липецке литературно-музыкальную композицию. Это выступление стало событием и для исполнителей, и для

зрителей. Позже ребята писали в дневнике: "Наш концерт прошел с успехом. Продолжался он довольно долго: никто не хотел уходить. Слушали нас не только жители, но и старый арсеньевский парк, пруд и тарханское небо".

"Такого в Тарханах еще не видели. В этот день в музее-усадьбе М. Ю. Лермонтова состоялся концерт. Собрались жители села Лермонтово, работники и гости музея. Артисты-ученики сорок первой средней школы г. Липецка", - писали газеты.

По возвращении домой "парусники" оформляют сборник собственных стихов, рисунков, печатают фотографии, составляют гербарии, пишут сценарий вечера-отчета. После творческого отчета о поездке, который стал общешкольным праздником, ребята "повалили" в клуб. Из Тархан приходили письма: звали вновь приехать на следующее лето. И "парусники" готовятся. Они стали глубоко изучать творчество поэта, проводить диспуты, собирать иллюстрации, вчитываться в произведения советских писателей, посвященных Михаилу Юрьевичу. Ребята разработали и новый маршрут, более интересный, собирали снаряжение, учились владеть фото- и киноаппаратурой.

В музее липецких школьников встретили как старых добрых знакомых. Работы хватало. Ухаживали за цветами, корчевали пни в старом саду, расчищали мемориальный парк, помогали в уборке территории от строительного мусора,

косили траву. По-настоящему серьезным делом стала прокладка 200-метровой траншеи по заповедной территории для установки охранно-пожарной сигнализации. Тяжелый грунт, палящее солнце, мозоли на руках и радость совместного труда и взаимопомощи, соревнование, слова признательности посетителей и сотрудников музея – все это вместе помогало крепить дружбу, вырабатывать первые правила жизни, которые становились традициями.

Жизнь шла эмоционально насыщенная и напряженная. Нередко ребята встречали рассвет в усадебном парке. Читали стихи, пели.

Свои палатки школьники поставили в садике, принадлежавшем местной жительнице, которая была дальней родственницей кормилицы поэта. Здесь раньше жил и писал свою книгу о поэте «Тарханская пора» писатель С. А. Андреев-Кривич. Не было в клубе человека, который не прочел бы эту книгу.

Познакомились ребята с профессором живописи Г. Б. Смирновым, который подарил клубу несколько своих работ, написанных в Тарханах. Знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Совместно с сотрудниками музея и Г. Б. Смирновым совершили путешествие по местам Пензенской области, описанным Лермонтовым в романе «Вадим». Из Тархан опять привезли собственные стихи, рассказы, рисунки, дневниковые записи, подарки. Тут-то и возникла

идея создать в школе Лермонтовский музей и рассказать не только о жизни и творчестве поэта, но и о клубе, о впечатлениях от путешествий в «страну поэта».

Члены клуба "Парус" добились, чтобы им выделили под экспозицию класс и рекреацию. Потребовалось все ремонтировать своими руками. На ходу пришлось осваивать ремесла маляра, слесаря, стекольщика, столяра. Во время каникул работали - и как!

Невозможно было избежать конфликтов с родителями: дети, раньше бежавшие из школы и целыми днями пропадавшие на улице, теперь рвутся в школу и бывают там с утра до ночи. И родительские собрания, индивидуальные беседы стали уроками человечности для взрослых, где Алла Матвеевна защищала право ребенка на творчество, важность общественных устремлений и деяний школьников, роль книги в духовной жизни мальчиков и девочек.

Члены клуба "Парус" решили изготовить эмблему клуба. Она отражала, с одной стороны, разностороннюю одаренность Лермонтова - поэта, художника, музыканта, скульптора, с другой - основные направления жизни творческого коллектива: парус, лира, палитра, театральные маски и гусиное перо.

Когда родилась мысль создать устав клуба, решили, что это будет не простой перечень правил, а поэтический свод законов, написанный самим Лермонтовым. Каждый находил в

произведениях поэта такие поэтические строки, которые могли стать формой выражения норм коллектива и поведения каждого его члена.

- Люблю Отчизну я

- Я не чувств, но поступков моих властелин...

- Делись со мною тем, что знаешь...

- Тот самый человек пустой, Кто весь наполнен сам собой.

- Беспечность и покой - не для меня они...

Каждый, кто хотел стать членом клуба, должен был не только изучить и принять законы жизни коллектива, но и соотнести свои возможности, привычки с принципами, представленными в уставе.

Складывалось ядро коллектива - наиболее активные ребята из разных поколений. Вокруг них образовались небольшие группы ребят, имеющих склонности к живописи, театру, литературе, поэзии, библиофильству. Крепла и традиция ребят: «парусята» добровольно взяли на себя миссию шефов лермонтовских мест, стали «добровольными рыцарями» всего, что чтимо народом.

Ежегодная помощь в Тарханах...

А однажды при обсуждении планов на будущее возникла идея совершить поездку на поэтическую родину поэта - Северный Кавказ, Пятигорск. Быть не только любознательными, но прежде всего полезным - таков главный настрой коллектива перед поездкой. Для поездки решили

сшить форму. Сами разработали модели одежды для мальчиков и девочек.

И вот в элегантной форме с яркими эмблемами на груди, с запасом знаний о кавказском периоде жизни Лермонтова, с подготовленной литературно-музыкальной композицией, с родительскими и самостоятельно заработанными деньгами ребята отправились в дальнейшее путешествие.

Перефразированная строчка из Лермонтова стала их девизом: «Пускай историю страстей и дел твоих хранят далекие потомки». Умение всегда найти себе дело - отличительная черта лермонтовцев «Паруса».

Приезд в Пятигорск совпал с реставрацией литературного отдела «Домика Лермонтова». После настойчивых просьб ребятам предоставили возможность проявить себя в деле.

Один из эпизодов жизни клуба в Пятигорске был описан корреспондентом журнала «В мире книг»: «Эту историю мне рассказывали в Пятигорске несколько раз, и каждый раз - немного по-разному. Дело не в точности деталей (хотя произошла она недавно, но успела стать легендой), ибо в его подтексте - образ литературного паломника, воспитанного на новых нравственных началах. Приехали как-то в «Домик Лермонтова» школьники из Липецка - активисты литературного Лермонтовского клуба «Парус». В это время в

музее шла реставрация. Ребята сказали: «Мы приехали на месяц, будем рады вам помогать». Сотрудники музея и рады бы добровольным помощникам, да что им поручишь: реставрация - процесс скрупулезный, научный. Тут чужая рука, даже добросовестная, может, сама того не подозревая, нанести непоправимый вред. Но юные лермонтовцы дознались, что была у художника идея: сделать особое, прочное и художественно выразительное покрытие стен. Для этого нужен был добрый десяток тонн гранитной крошки. Такая работа нам по душе, мы за нее беремся. - И они целый месяц собирали. дробили в Кабарде, на реке Малке, тысячи килограммов речного гранита. Камушек к камушку.

И главное - это не был единичный порыв юношеского энтузиазма. Это - осознанная позиция. Она выразилась и во многих других, разных по внешнему проявлению, но глубоко целенаправленных по сути дела юных лермонтовцев из Липецка.

- Мы увидели в этих ребятах прообраз нашего посетителя "образца 1990-2000 года", - говорили сотрудники музея».

В музее нашлось много и других дел. Ребята участвовали в переводе научной лермонтовской библиотеки в новое помещение. В дни особого наплыва экскурсантов старшим членам клуба доверяли проведение экскурсий по территории, а во время болезни сторожа они с удовольствием заменяли его, неся ночную вахту. В фондах

музея "парусников" учили обращаться с редкими книгами, рукописями. Все это было не только интересно, но и необходимо для работы в собственном школьном музее.

Вернувшись домой, ребята привезли ценные экспонаты для своего музея: книги с автографами, гербарии, декоративные цветы, экзотические камни, альбомы. Педагогический коллектив школы получил официальное письмо из "Домика Лермонтова": "... везде, где бы ребята ни приобщались к делу, которое они безгранично любят и во имя которого приехали к нам, видна была их целеустремленность и полная отдача внутренних сил... Но главное при всем этом не в их фактической помощи. Нас восхищает в детях их сплоченность, самоотверженность, бескорыстие и радость, с которыми они делают все, к чему бы ни прикоснулись..."

Дома работы было непочатый край. Ребята составили два больших иллюстрированных сборника - "Тарханская пора" и "Кавказский дневник", куда вошло около ста лучших стихов поэтов "Паруса". Некоторые из них были опубликованы в путеводителях по лермонтовским музеям, что вызывало особую гордость и самих авторов, и всего клуба. С большим успехом показал "Парус" литературно-музыкальную композицию "Поговорим о бурных днях Кавказа". Четыре года шаг за шагом приближались "парусники" к заветной цели - открытию своего музея. Последнюю неделю пришлось даже ночевать в школе.

И вот 23 мая 1971 года наступил долгожданный день - открытие лермонтовского музея литературного клуба "Парус". В Липецк съезжались гости-друзья клуба: преподаватели Воронежского университета, где учились ребята старшего поколения, работники "Домика Лермонтова" из Пятигорска, писатели родного Липецка, учащиеся и педагоги, родители, шефы.

Началом праздничной программы было исполнение гимна, коллективно сочиненного ребятами во время путешествия к подножью горы Машук, на место гибели Лермонтова.

Наш "Парус" плывет в дорогу,
Ему ведь немного надо:
Пусть светит звезда поярче,
Пусть будет кремнистым путь
Мы будем идти по свету
С железным стихом поэта,
И образ его мятежный
Пусть нам озаряет путь.

Пусть он из дворянского рода,
Но был он всегда с народом,
И самые лучшие думы
Он отдавал ему.
Пусть был он всегда в изгнание,
Ему было очень трудно,
Пусть странно любил он Отчизну,
Но не было сына верней.

Недаром его в мире этом
Зовут бунтарем-поэтом.
В великую силу народа
Он верил всегда, всегда.
Поэт научил нас странно.
Сурово любить Отчизну.
В прекрасное свято верить
И грудью идти вперед.

Наш "Парус" плывет в дорогу
Спокойствия он не ищет.
Плывет он навстречу бурям
И побеждает их,
Ему помогает в этом
Большая любовь к Отчизне,
Святая любовь к Поэту
И образ мятежный его.

Лермонтовцы читали произведения поэта и стихи собственного сочинения, посвященные ему, исполняли песни "Белеет парус одинокий", "Бородино", "Завещание". О жизни клуба, его истории рассказывала А. М. Шаталова: "... мы решили научиться всему, что знал и умел Михаил Юрьевич. Ребята пишут стихи, рисуют, играют на музыкальных инструментах... Своими руками, с большой любовью оформляли они и музей".

И вот - гость школы писательница Н. В. Капиева разрезает алую ленточку у входа. Музей открыт. Добро

пожаловать!

Школьный музей скоро стал знаменитым культурным центром города Липецка. Статья, которую поместил журнал "Клуб и художественная самодеятельность", начиналась так: "Если вы попросите липчан перечислить достопримечательности своего города, они назовут Новолипецкий металлургический завод, Воронцовский парк, где собирались когда-то народовольцы, места, связанные с Петром I. А еще - совершенно неожиданно - школьный музей литературного клуба "Парус".

Лермонтовский музей состоит из двух отделов: "Лермонтов и мы" (рассказывает о встречах с замечательными людьми на Лермонтовских дорогах Пензенской области и Северного Кавказа) и "Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова".

Экспозиция "Лермонтов и мы" представлена подлинными экспонатами, которых более 700. В экспозиции "Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова" всего экспонатов свыше 300, из них подлинных свыше 200.

Особый интерес представляют экспонаты, выполненные руками парусников. Это рисунки, отлично выполненные предметы прикладного искусства, настенные панно, копии известных картин. Все в музее сделано руками детей.

Музей располагает прекрасной библиотекой, имеет огромный

архив редких репродукций и документов.

В музее есть подлинные работы знаменитого художника Павла Бунина, подаренные им самим; скульптура "Танец Тамары", выполненная Ириной Шаховской (архитектор и скульптор г. Пятигорска). В период пребывания в музее художник В. К. Куинджи сделал несколько работ и подарил их музею.

Экспозиции музея, его библиотека, фонды дали возможность проводить уроки-экскурсии, литературные праздники, классные часы.

Сведения об авторах

Калинина Елена Анатольевна, заведующая отделом библиотеки-филиала N 13 имени Ф. М. Достоевского МУК ЦБС города Ярославля (Ярославль)

Коваленко Александра Николаевна, учёный секретарь ГБУК СК «Ессентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского» города Пятигорска

Купцова Наталья Евгеньевна, член московского филиала Лермонтовского общества, директор по персоналу ООО «Бакарди Рус» (Москва)

Левагина Светлана Николаевна, ведущий методист Областной юношеской библиотеки имени А.А. Суркова (Ярославль)

Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой музеологии и краеведения ЯрГУ им. П. Г. Демидова (Ярославль)

Минаков Виктор Дмитриевич, преподаватель детской хоровой школы «Канцона» (Ярославль)

Мурашов Дмитрий Юрьевич, ученый секретарь ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова» (Пенза)

Репин Дмитрий Андреевич, заведующий отделом информационных технологий Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова МУК ЦБС города Ярославля (Ярославль)

Русинова Наталья Александровна, заведующая

библиотекой, руководитель краеведческого музея МОУ СОШ № 17, Почетный работник общего образования РФ

Скафтымова Людмила Александровна, доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории им. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург)

Ундиренко Юлия Владимировна, библиограф Центральной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова МУК ЦБС города Ярославля, кандидат филологических наук (Ярославль)

Приложения

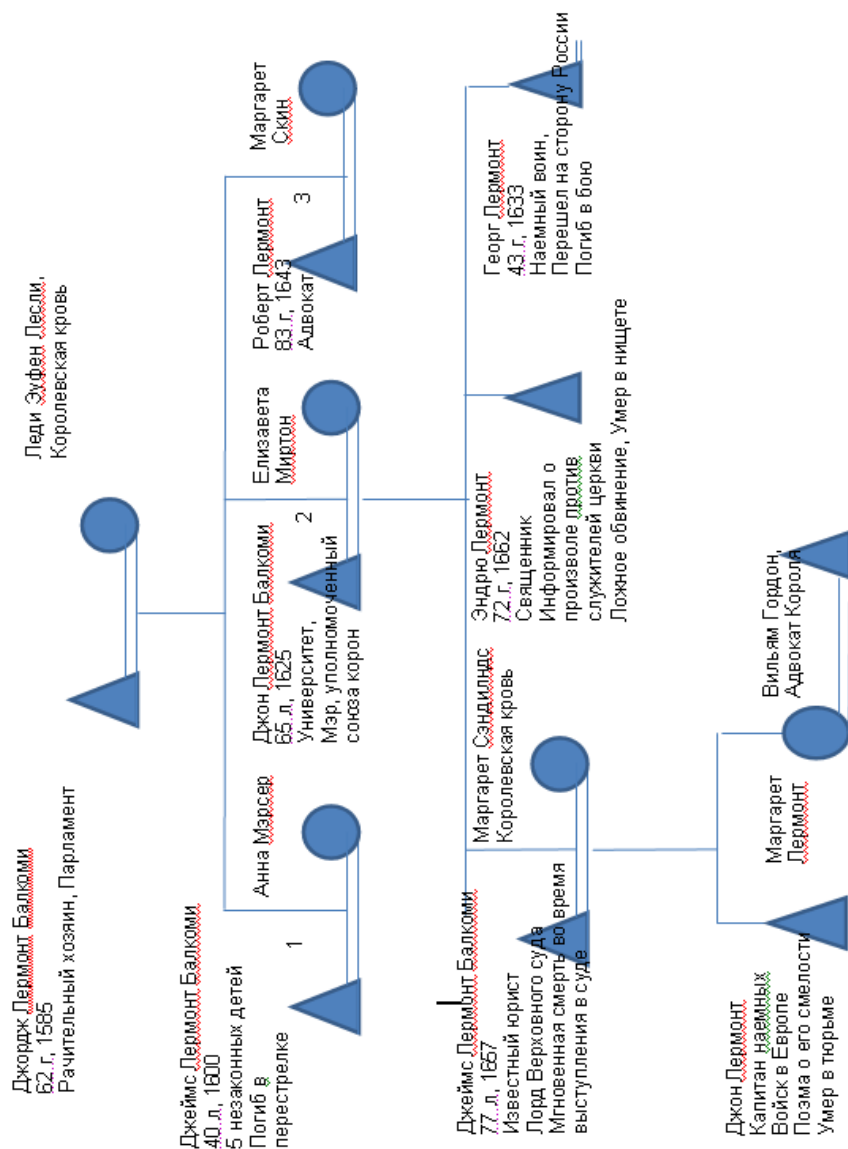

Таблица 1

**Обращаемость сочинений М. Ю. Лермонтова
в Пензенской общественной библиотеке имени Лермонтова**

годы	1893	1895/ 1896	1896/ 1897	1898/ 1899	1900/ 1901	1901/ 1902	1902/ 1903	1903/ 1904	1904/ 1905	1905/ 1906	1906/ 1907	1907/ 1908	1908/ 1909	1909/ 1910
книговыдача	0	274	33	39	66	59	0	34	66	44	50	34	42	48
количество книг с сочинениями М. Ю. Лермонтова	?	?	?	?	22	22	22	16	24	19	19	19	21	2
обращаемость	0	?	?	?	3	2,6	0	2,1	2,75	2,3	2,6	1,8	2,0	2,2

Источник: Отчеты Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова за 1893-1910 годы.

Таблица 2.

**Выдача произведений М. Ю. Лермонтова
в бесплатной народной библиотеке-читальне имени В. Г. Белинского**

годы	1895/ 1896	1896/ 1897	1898/ 1899	1900/ 1901	1901/ 1902	1902/ 1903	1903/ 1904	1904/ 1905	1905/ 1906	1906/ 1907	1907/ 1908	1908/ 1909	1909/ 1910
Книговыдача	45	243	213	297	238	221	207	103	161	151	236	226	220

*Руководитель
краеведческого музея
Ирина Александровна
Конторина
принимает гостей*

*В гостях у
ярославского писателя
Бориса Михайловича
Сударушкина*

*Многолетняя дружба продолжается.
Вручение книги «Ярославна» от
директора ЦБС города Ярославля
Светланы Юрьевны Ахметдиновой
на встрече 15 октября 2012 года в Семибратове*

*Лермонтовский Бал-маскарад
в Центральной библиотеке
по традиции открывает главный его организатор
– Светлана Юрьевна Ахметдинова,
директор ЦБС города Ярославля*

*Исторические бальные танцы,
мастер-класс и другие забавы
с участием студии
исторической реконструкции «Зазеркалье»*

*Открытие Двенадцатых
Лермонтовских чтений.
Приветственное слово
начальника управления культуры
мэрии города Ярославля
Ольги Владимировны Кажуровой*

Лермонтовская свеча горит

*Приветствие участников чтений
ярославским поэтом
Евгением Гусевым,
лауреатом премии
им. М. Ю. Лермонтова*

*Лермонтовская строчка
«Недаром помнит вся Россия...»
стала эпиграфом чтений 2012 года*

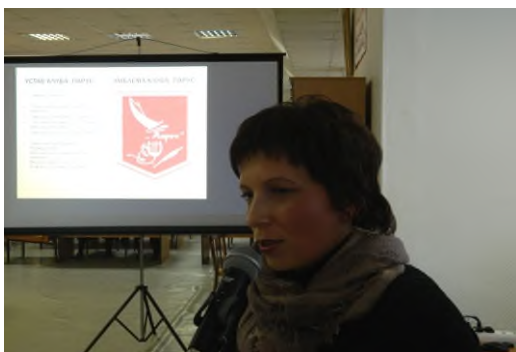
*Благодарные слушатели
Двенадцатых Лермонтовских чтений*

*Гости из Липецкой школы
им. М. Ю. Лермонтова*

*Опытom воспитательной системы
на базе музейной педагогики
и клубной деятельности делилась
заместитель директора
школы № 41 им. М. Ю. Лермонтова
Татьяна Георгиевна Жукова (Липецк)*

*О клубе «Парус» музея школы
рассказала его руководитель,
учитель русского языка и литературы
Елена Михайловна Чиликина (Липецк)*

*Постоянный участник
Лермонтовских чтений
Людмила Александровна
Скафтымова (Санкт-Петербург)*

*Преподаватель детской хоровой школы «Канцона»
Виктор Дмитриевич Минаков (Ярославль)*

*Методист ОУНБ им. А. Суркова
Светлана Николаевна
Левагина(Ярославль)*

*Заведующая отделом библиотеки
имени Ф.М. Достоевского
Елена Анатольевна
Калинина (Ярославль)*

Недаром помнит вся Россия...

Материалы Двенадцатых Лермонтовских чтений

11-12 октября 2012 года

Тираж 200 экз.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ»

150049, город Ярославль, проспект Толбухина, 11

Телефон-факс 8(4852) 210734; 213605

foton@clib.yar.ru

www.clib.yar.ru

